

18+

Альберт Скворцов

Сумеречные лучи

Альберт Скворцов

Сумеречные лучи

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Скворцов А.

Сумеречные лучи / А. Скворцов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-0306-1

В периферийном городке России начала нулевых подающий надежды следователь Андрей Казанцев расследует самоубийство выпускника местной школы, параллельно пытаясь пережить смерть собственного ребенка в дорожной аварии и сохранить отношения со своей невестой. Простое на первый взгляд расследование приводит к непредсказуемым последствиям...

ISBN 978-5-5321-0306-1

© Скворцов А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог	5
Падение	8
1.	8
2.	10
3.	12
4.	18
5.	21
6.	25
7.	29
8.	33
9.	36
10.	41
11.	44
12.	50
13.	51
Последствия	52
14.	52
15.	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Пролог

Снег шел наверх.

Облачко морозного пара растворилось в воздухе, едва успев вырваться из полуоткрытого рта Андрея Казанцева. Кровь из разбитой брови, вопреки законам гравитации, побежала вверх, затерявшись в его спутанных черных волосах. Предметы вокруг постепенно начали приобретать знакомые очертания, и, когда он с глухим хрустом повернул шею налево, то все окончательно прояснилось.

Надо было выбирать.

За окном висела перевернутая земля, с которой на небо падали воздушные хлопья снега, мерцающие в тусклом желтом свете передних фар и таявшие в бескрайней ночной тьме. Тонкую кожу крепкой шеи натирал туго натянутый ремень безопасности, спасший его голову от удара о крышу автомобиля. Дворники, свисавшие с лобового стекла, пришли в движение, напомнив Андрею, что нужно было выбирать из перевернутой машины.

Надо вытащить ее.

Она обмякла в соседнем кресле, и с ее кудрявых каштановых волос сочилась тонкая кровавая струйка, образуя темное пятно на потертой обивке крыши. Затаив дыхание, Андрей с тревогой всмотрелся в ее неподвижное лицо, и, едва крохотный клубок пара вырвался из ее рта, он с облегчением выдохнул. С трудом ворочая затекшей рукой, мужчина отстегнул ремень безопасности и в то же мгновение ударился головой о крышу автомобиля. Лобовое стекло, покрытое трещинами, поплыло перед его глазами, и Андрею пришлось несколько раз крепко зажмуриться, чтобы склеить осколки того, что он считал своим сознанием. Пальцы нащупали дверную ручку, и он с силой отжал рычаг на себя, а затем резко рванул его вперед. Поток холодного воздуха моментально ворвался в его легкие, и мужчина с трудом поборол приступ кашля. Он осторожно начал выползать из машины, борясь со жгучим жжением в горле и пытаясь не замечать снег, забивавшийся под одежду. Ступни в ботинках коснулись заледеневшей земли, Андрей облокотился и, покачиваясь, поднялся на ноги. Держась одной рукой за голову, мужчина осмотрелся по сторонам, и волосы на руках встали дыбом.

С востока и запада их окружало безграничное поле, укрытое снегом, а на север и юг уходила вперед безлюдная трасса, на которую он свернул до аварии. Сколько он успел проехать, когда перед глазами все потемнело? Километр? Два? До старого тракта, где ночью можно было наткнуться на одинокие машины дальнбойщиков или поздних путников, идти было не меньше получаса, а если ее придется тащить на себе, то время в пути увеличится вдвое. А если идти по этому липкому снегу, то втрое, если не вчетверо. Уши резко разложило, и по слуху ударил громкий звук включенного сигнала поворота. Он посмотрел, как красный свет задних фар зловеще падает на сугробы позади перевернутой машины, и мышцы сами собой пришли в движение, не дожидаясь команды от мозга. Андрей обошел автомобиль, слетевший в кювет, и открыл дверцу со стороны второго пассажира. Место смертника. Нет, так нельзя думать. Она была жива, хоть и не пришла в сознание. Мужчина бережно придержал ее за волосы, липкие от вязкой крови, и отстегнул ремень безопасности. Быстрым движением он вытащил ее наружу и взвалил себе на плечи, на мгновение прогнувшись под весом ее тела.

Сколько времени уже прошло?

Андрей напряженно всматривался в пустынную трассу и начинал моргать, только когда подступала нестерпимая резь в глазах. Из угольной бесконечности, в которой терялись концы дороги, не появлялось ни дальнбойщика, ни заблудшего путника. Да и откуда им было здесь взяться? Никто не ездит по этому объезду уже лет пять, предпочитая долгий, но безопасный

путь по Старому тракту. Все знают истории о людях, попавших в аварию на объездной дороге и замерзших от зимнего холода насмерть. Мозг, продутый холодным ветром, настойчиво требовал включить обогрев в машине и сжечь весь бензин, которого может быть хватило бы на то, чтобы они провели полночи в тепле. Но если существует хоть малейшая вероятность того, что бензобак повредился, то он убьет их всех. Судя по всему, он уже убил их. С тлеющей искрой надежды он достал руку из едва теплого кармана, чтобы убедиться, что полосок сети на экране мобильного не появилось. Она умрет здесь.

Сколько времени еще пройдет?

На безоблачном черном небе горели бледные звезды, знакомые Андрею по урокам астрономии в школе. Отец часто рассказывал истории о том, как на какой-то из войн, в одной из тех, что он участвовал, они выбрались из леса благодаря тому, что кто-то из рядовых знал все о расположении созвездий. Снег, сминающийся под подошвами его сапог, напоминал скрипучий голос отца, отвлекая его от обжигающего мороза, норотившего укусить за щиколотки и обжечь затвердевшие руки. Спустя полпути, идея срезать путь до поворота на старый тракт через поле показалась не такой хорошей, но он предпочел мокрые ботинки холодной смерти. Мужчина упорно нес ее вперед и его собственное дыхание сбивалось с каждым пройденным вперед шагом в такт стучащему сердцу. Когда их машина исчезла в ночной темноте, Андрею почудилось, что она прошептала его имя. Он остановился, чтобы прислушаться, но кроме далекого уханья совы больше ничего не услышал. Впереди показались первые деревья, медленно обступавшие их со всех сторон. Раскинутые в стороны еловые ветки с коварством приглашали его исчезнуть внутри леса, и от осознания того, что сегодня они могут умереть под этими елями, ему стало не по себе.

Сначала он решил, что звук возник только в его голове. Но когда через какое-то время он повторился снова, на этот раз ближе, то Андрей понял, что спасение близко. Сквозь плотную кромку заснеженных деревьев, плотно уставленных в ряд, он различил промелькнувшие фары автомобиля и едва сдержал ликующий возглас, готовый вырваться из груди. Мужчина попытался ускорить шаг, но кто-то схватил его за левую ногу, и он покачнулся. В несколько бесконечно долгих мгновений она соскочила с его задеревеневших рук, упав на спину, и он, не удержавшись на одной ноге, упал сверху, приземлившись тяжелым локтем на ее живот. Она коротко всхлипнула, не открывая глаз, и Андрей испуганно посмотрел на ее бледное лицо, освещаемое слабым лунным светом. Невыносимая боль пронзила его ногу, и мужчина поспешно сполз с ее тела на землю и с ужасом увидел металл, поблескивающий под мерцающим снежным покровом. Острые зубы капкана сомкнулись чуть выше его лодыжки, обагрив заснеженную землю темными пятнами крови. Волна беспомощности накрыла его с головой, и от собственного бесилия и прожигающей изнутри боли ему захотелось закричать.

– Андрей...

Он испуганно повернулся на ее слабый голос и посмотрел в ее изумрудные глаза с темными ресницами, покрытыми инеем. Она бросила на него умоляющий взгляд, и в следующую секунду ее глаза закрылись.

Мужчина издал протяжный вой, изо всех сил пытаясь собраться и заставить тело перестать чувствовать усиливающуюся боль в районе левой ноги.

– Боль – это хорошо, – напомнил его отец из глубины давно потерянных воспоминаний его памяти, – пока тебе больно, ты живой.

Андрей стащил с себя тонкий шарфик, купленный на одной из новогодних распродаж своей заботливой невестой, и обмотал им обе руки, покрытые морщинистой коркой. Во время одного из совместных походов на охоту с отцом тот рассказывал ему истории об охотниках, попадавших в волчьи капканы и умиравших от болевого шока или потери крови.

– Щупай дорогу перед собой палкой, – советовал отец, – это называется «зондировать почву». Вас в армии как учили вообще?

– Давай... – Андрей с яростным рычанием развел руки в разные стороны, и на мгновение он увидел раздробленную кость ноги в тусклом лунном свете, но замерзшие мышцы рук не выдержали, и капкан снова захлопнулся. Тихо заскулив от оцепляющей боли, мужчина опустил голову на снег.

Его невеста прерывисто дышала рядом, отсчитывая удары сердца, отведенные им судьбой. Один. Два. Три... Рев двигателя, появившийся из ниоткуда, заглушил его мысли и в ту же секунду стих.

Андрей с трудом приподнялся, схватился руками за края капкана и с силой рванул их в разные стороны.

Ее дыхание стихало.

Вены вдоль мышц его рук вздулись, и куртка в любой момент была готова порваться от напряжения.

Она умирает?

Воздух в легких закончился, и тело жадно требовало отпустить хватку, чтобы сделать спасительный вдох.

Один.

Кровь засочилась из порезов на обмороженных руках.

Два.

Лицо исказилось в яростной гримасе, и зубы во рту угрожающе заскрежетали.

Три.

Она умирает.

Капкан со скрежетом разомкнулся.

Он больше не чувствовал, как поднимается и опускается ее живот в такт дыханию. Его невеста лежала на нем, пока Андрей сквозь вспышки боли полз по снегу, поднимая и опуская локти. Нужно было проверить ее состояние, но ему не хватало сил. Или смелости. Пролетевшие мимо фары ослепили его, и Андрей отчаянно закричал, выкинув правую руку вверх. Старый тракт.

Он спас их.

– До первой больницы несколько километров, – рассуждало расплывчатое лицо водителя, который заботливо положил ее на заднее сиденье своей машины.

Андрей прислонился лбом к холодному стеклу, пытаясь сдержать рвотный позыв.

– Держись, еще немного, – из темноты сообщил их спаситель.

– Андрей... – тихий стон с заднего сиденья на несколько секунд вернул ему ясное сознание, – наш сын...

Машина резко затормозила, и водитель повернулся к нему.

– Там остался ребенок?! – Взволнованно спросил он, – надо вернуться и...

– Нет, – Андрей слабо покачал головой, – она беременна.

Падение

1.

Машина, желтый цвет которой смутно проглядывался сквозь мартовскую грязь, неуклюже затормозила перед подъездом, вспугнув стаю ворон, с раздраженным карканьем взлетевшую в воздух.

– Это самое, сто тридцать три, – пробурчал таксист, не поворачиваясь.

– Раньше было сто, – Женя Хрусталева открыла свою большую сумку и вытащила оттуда потрепанный кошелек с одиноко торчавшей купюрой в пятьсот рублей.

– Так ведь праздник, – мужчина пожал плечами и, не глядя, смял в руке протянутые деньги, – по праздникам повышенный тариф, не я придумал!

– Праздник? – Женя сложила брови домиком и подставила ладошки, в которые тут же посыпались холодные пятирублевые монеты.

– Так ведь женский день, восьмое, чтоб его, марта! – Таксист грузным движением обернулся и уставился на нее из-под стекол очков, – в больнице что ли с чем тяжелым лежали? Может, сумку помочь...

– Не стоит, – Женя благодарно кивнула головой и открыла дверцу машины.

– Девушка! – Мужчина окликнул ее, случайно стукнув локтем по рулю. Она молча заглянула в салон, держась рукой за открытую дверцу.

– Это самое... с праздником!

– И вас, – Женя кивнула и с силой захлопнула за собой дверцу. Она рассеянно оглядела знакомый двор, и ее взгляд невольно остановился на мальчике в голубой курточке, который вел большую лохматую собаку на красном поводке. Пес сорвался на бег, и ребенок неловко дернулся вслед за ним и, пытаясь удержать в руках натянутый поводок, скрылся за углом их дома.

В их квартире стоял легкий аромат свежих персиков, всегда напоминавший ей о тех редких счастливых днях в детдоме, когда на полдник вместо горячего молока им выдавали по спелому фрукту. Это бывало нечасто, только на самые важные праздники, вроде Первого мая или Дня Пионерии, поэтому воспоминания о запахе свежих персиков так сильно врезались в подсознание, что полгода назад Женя убедила Андрея взять освежитель воздуха именно с этим запахом. По ее губам пробежала едва заметная тень улыбки, когда она увидела в вазе несколько бледно-розовых хризантем. Все, как она любит.

– Не стоило, – коротко ответила Женя вместо слов благодарности.

– Праздник... – Андрей Казанцев пожал плечами, стоя на проходе в гостиную.

– Не у меня, – девушка подняла сумку с вещами, стоявшую у двери, и заметила, как Андрей на мгновение дернулся, чтобы помочь ей. – Снова могу таскать тяжести. Кажется, это первый плюс.

– Я не говорил тебе искать в этом плюсы, – он отвел глаза, боясь встретиться взглядом со своей невестой.

– Мыслить позитивнее или что-то в этом роде, – девушка прошлепала босыми ногами по холодному полу и исчезла в спальне. – Твои слова.

Чайник несколько раз свистнул, и Андрей побрел на кухню, прихрамывая на раненную ногу. По пути он задержался взглядом на детской кровати, внутри которой стояли пакеты, набитые детскими вещами, игрушками и несколькими пачками подгузников.

– Я подумал... – он оборвал фразу на полуслове и вошел на кухню, где переставил вскипевший чайник на другую конфорку.

– Подумал что? – Женя встала в дверном проеме, скрестив ноги.

– Неважно, – Андрей достал из шкафа ее любимую чашку и заботливо поставил ее на стол.

– Никаких недомолвок, – девушка испытующе посмотрела на него, – твои слова.

– Подумал, что можно отдать детские вещи в приют, – выпалил Казанцев, отвернувшись. Он подождал несколько секунд и обернулся. Женя молча уставилась на дверцу от холодильника, в центре которой висел распечатанный снимок УЗИ. Девушка быстрым движением сорвала его, и, смяв в руке, бросила в мусорную корзину.

– Что празднуем? – Спросила она, переведя взгляд на торт, стоявший на столе.

– Заходили твои коллеги с работы, – ответил Андрей, потупившись – не знаю, как они узнали, что ты возвращаешься именно сегодня...

– Я им сообщила, – перебила его Женя, – вчера позвонила Чадскому, сказала, что возвращаюсь на службу в следующий понедельник.

– Возвращаешься? – Казанцев посмотрел на нее, нахмутив брови, – ты...я думал, что ты захочешь...

– Посоветоваться? – В ее изумрудных глазах на мгновение вспыхнул огонь, – а ты против?

– Просто думал, что тебе нужно прийти в себя... – он запнулся, пытаясь подобрать слово.

– Знаешь, Андрей, чего не хватает на этом торте? – Хмыкнула Женя, прервав его.

– Чего? – Спросил Андрей.

– Большой надписи «выкидыш», – ответила девушка и стремительно вышла из кухни, через мгновение хлопнув дверью в ванную.

Бледно-голубые обои, наклеенные на неровные стены их съемной квартиры, сужали и без того тесное пространство, словно пытаясь раздавить Андрея в своих тисках. Он нервно забарабанил пальцами левой руки по ноге, а в правую взял торт с шоколадной глазурью, который с глухим шлепком опустился на дно мусорной корзины.

2.

Женщина раздраженно бросила в мусорную корзину несколько завядших тюльпанов, подаренных ей на работе в честь 8 марта, и повернулась к участковому в форме, который нервно заерзал на стуле, встретившись с ее гневным взглядом.

– Я не хочу отвечать на этот вопрос, – она скривилась и засунула сигарету в рот, крепко закусив ее зубами, – мы тут будем психиатрией заниматься, м? Может быть, я неправильно выразилась в заявлении? Я просила участкового, а не психолога!

– Наш сын пропал, в конце концов! – Ее муж неловко схватился за свою лысеющую голову.

– Наш, как же, – фыркнула женщина и стрельнула глазами на супруга.

– Это стандартный вопрос... – участковый оттянул ворот своей водолазки и сфокусировал взгляд на поставленную перед ним облупленную кружку с остывшим чаем.

– Вот не нужно этого формализма, когда дело касается моей семьи! – Анна Владленовна ударила кулаком по столу, и пыль с вазочки для конфет взлетела в воздух, – и, отвечая на ваш хамский вопрос, я не думаю, что мой сын ушел из дома! Я считаю, что его похитили!

– Мы считаем так, да! – Кивнул головой мужчина.

– Когда там придет ваш следователь? – Она поправила свои крашенные белые волосы, висевшие на голове на манер укладки советских актрис восьмидесятых годов.

– В самом деле, сколько можно ждать? – Поддакнул ее муж.

– Леша, помолчи уже! – Анна Владленовна нервно поправила заляпанную скатерть.

– Действительно, – мужчина бросил короткий взгляд на участкового и опустил глаза.

В маленькой кухне повисла тишина, и участковый неловко опустил руки на свои записи. Протяжный звонок в дверь заставил всех вскочить, и женщина стремительно бросилась к двери, а следом за ней вприпрыжку направился ее муж. Участковый нехотя последовал за ними, но стукнулся головой о низко висевшую антресоль и предпочел остаться в коридоре.

– Оперуполномоченный Евгения Хрусталева, – представилась девушка, вешая свою куртку на гвоздь, торчавший из стены.

– На кухню, – обойдясь без приветствий, ответила женщина.

Женя кивнула своему коллеге и вошла в маленькое помещение с грязной плитой и посудой, сваленной в раковине. К вони, шедшей из старенького холодильника, добавлялся тяжелый сигаретный дым и затхлый запах сырости, который на мгновение вернул ее в больничную палату, где она пролежала последние две недели после аварии.

– Вы и у себя по дому в ботах ходите? – Нервно заметил мужчина, кивая на обувь на ее ногах, – я здесь полы не просто так мою, знаете ли.

– Алексей Петрович, я полагаю, – Женя остановилась у подоконника, на котором медленно умирало несколько комнатных растений, – и Анна Владленовна Вороновы?

– Ну не царица Савская! – Хозяйка с раздражением посмотрела на хмурого участкового, вернувшегося на свое место перед кружкой с остывшим чаем.

– Хорошо добрались, а? Пирожки покушали, чай попили? У меня сын пропал, мать вашу, а вы как из другого города едете!

– Где вертолеты, спрашивается? – Поддержал ее Алексей Петрович, – собаки, в конце концов? Почему поисковые отряды до сих пор не тонут в болотах?!

– Ваш сын – вы и тоните, – буркнул участковый.

– Вы можете подать жалобу в вышестоящие инстанции, – отстраненно ответила Женя, наблюдая в грязное деревянное окно, как внизу играют дети на площадке с маленькой песочницей и поваленными качелями.

– А вы нас правосудием не запугивайте, мы свои права знаем! – С дрожью в голосе заявил Алексей Петрович.

– По статистике, дела потеряшек либо раскрываются в первые несколько суток, либо не раскрываются совсем. В случае с детьми, интервал сокращается, – девушка повернулась к ним и обвела взглядом родителей пропавшего ребенка, – если вы хотите потерять еще больше времени, то мы можем продолжить спор.

– Да что же вы за люди такие! – Анна Владленовна всплеснула руками, – приходите в дом к убитой горем матери и заявляете, что я не заинтересована в поисках моего Костика!

– Константина, – кивнул Алексей Петрович, проводя рукой по лысине.

– Отлично, имя у нас есть, – хмыкнула Женя, – если вас не затруднит, то расскажите все по порядку.

– Мой сын, Воронов Константин, ушел в школу два дня назад, дома с тех пор не появлялся, – сбивчиво проговорила женщина, – семнадцать лет, вес и рост средние, волосы лохматые как у пуделя.

– У пуделя? – Переспросил участковый, щелкнув шариковой ручкой.

– Собака такая, – пояснила Анна Владленовна, – вы это записали уже полчаса назад, мы вам это рассказывали.

– Будет лучше, если вы повторите, – прервала ее Женя.

– Никто не знает, как выглядит пудель? – Фыркнула женщина, – черненький, лохматенький. Не лает не кусает, в дом не пускает или как там...

– Вы звонили его друзьям? – Спросила следователь, нахмурившись.

– Да нет у него друзей! – Хлопнул по ноге Алексей Петрович.

– Есть, я же говорила про этого патлатого! – Не согласилась Анна Владленовна, – что я их номера знать должна, по-вашему?

– В конце концов, это ваша работа! – Кивнул мужчина, – мы ваши обязанности знаем!

Раздражающая телефонная мелодия заставила всех замолчать, и участковый виновато оглядел присутствующих.

– Да, слушаю, – коротко ответил он, приложив к уху мобильник. Несколько секунд он нервно вслушивался в слова невидимого собеседника, – да, со мной. Понял, – участковый положил телефон в свой карман и задержался взглядом на Жене, после чего перевел взгляд на деревянные половицы.

– Граждане... – замялся он, переминаясь с ноги на ногу, – боюсь, что мы нашли вашего сына.

3.

Черный смог от сталелитейного завода таял где-то над тринадцатым этажом панельного дома, похожего на муравейник. Из его окон, расстояния между которыми были едва различимы с земли, выглядывали любопытные жители, пытающиеся всмотреться в суetyающиеся точки во дворе, где только что остановился очередной служебный автомобиль милиции.

– Чего там? – Крикнул мужчина в растянутой майке, стоя на балконе цвета ржавчины где-то в районе девятого этажа.

– Опять Светка с пятого буянит? – Рассмеялась женщина в выцветшем халате, высываясь из кухонного окна, перетянутого вертикальными прутьями решетки.

– Многовато для одной Светки будет! – Ответил мужчина с проржавевшим балконом.

– Да не ко мне! – Заплетающимся языком прокричала полная женщина с восьмого этажа, – не видите что ли? Там убили кого-то!

– Кого? – Одновременно прокричало несколько жильцов.

– Да не убили! – Высунулся из окна дед с повязкой на левом глазу, – с крыши упал кто!

– Хватит орать! – Раздался зычный женский голос, – ребенок спит, а вы орете!

– Что ж он у вас спит, день на дворе! – Проворчал дед с повязкой.

– А не ваше дело! – Ответила женщина с ребенком.

– Господи прости, еще одна приехала!

Андрей прикрылся рукой, чтобы защититься от порыва мартовского ветра, ударившего его в лицо, едва его невеста вышла из подъехавшей машины. Убрав руку с часами, доставшимся ему в наследство от деда, мужчина на мгновение увидел ту самую Женю, в которую он влюбился несколько лет назад. Она только пришла на службу, и Андрей случайно столкнулся с ней в буфете, когда она стояла у кассы с тарелкой гречневой каши и стаканом персикового сока. Он хотел сказать что-нибудь такое, чтобы девушка сразу обратила на него внимание, но пока он обдумывал варианты, она уже растворилась в безликой толпе буфета. На их первом свидании он рассказывал ей байки про свои прошлые раскрытые дела и перестрелки с бандитами из недавних девяностых. Позже, во время одной из ссор, она скажет ему, что влюбилась в человека из этих рассказов, который не имеет ничего общего с реальностью. Когда он сделал ей предложение, она плакала. Андрей в тот момент подумал, что еще совсем недавно он был подростком, влюбляющимся во всех подряд, кто ему улыбался. Потом он вспомнил первый секс в комнате студенческого общежития под песни Цоя. Он тогда украл старый радиоприемник с дачи своих родителей и иногда до сих пор слышит в голове, как он потрескивал в ту ночь. Женя вспомнит, что на их первом свидании от него пахло дешевым разбавленным вином, которое они пили из рублевых пластиковых стаканчиков и, кажется, спелыми персиками. В последнее время все хорошие воспоминания пахнут для нее персиками, если верить ее словам.

Щелчок фотоаппарата одного из криминалистов вернул его в реальность, и Андрей сорвался с места, прихрамывая на левую ногу, попавшую в капкан не больше месяца назад.

– Не ждал тебя здесь! – Выкрикнул он, подходя к Жене, – видимо наше руководство получает особое наслаждение от того, чтобы дергать сотрудников на подростковый суицид! Зачем тебя сюда вызвали?

Женя перевела взгляд на накрытое белой тканью тело, лежавшее на асфальте в неестественной позе. На мгновение она подумала, что под простыней лежит обычная тряпичная кукла, одна из тех, что в детстве заменяли ей друзей.

– Его родители заявили о пропаже, – ответила девушка, пряча глаза.

– Здесь как будто пахнет чем-то странным... – Андрей настороженно принюхался, оглядываясь по сторонам, – ты ничего не чувствуешь?

– Я вас вызвал, – проямлил участковый, вырастая за спиной Жени, – по методическим рекомендациям вам нужно закрыть свое дело. Тем более вы были вместе с его родителями, и мы подумали, что...

– Побольше слушайте взрослых и поменьше читайте умные книжки, которые вам подсовывали в академии, – хмуро пробурчал Андрей и засунул руки в карманы серого пальто в поисках сигарет, не лежавших там уже пару лет, – я справлюсь здесь один, а ты можешь ехать обратно в участок.

– Я так не считаю, – Ее рот обожгло, как от острого перца, – я доведу это дело.

– Будешь соперничать за мертвых детей? – Выпалил Казанцев, сжав губы в тонкую белую полоску.

На щеках Жени вспыхнул румянец, и она, чеканным шагом, пошла в сторону дома, похожего на муравейник.

– Значит, в кармане брюк вы нашли документы? – Андрей перевел растерянный взгляд на участкового. – Как зовут?

– Участковый Андрей Волков, – неуверенно отрапортовал парень.

– Да не тебя, а парня, – с раздражением вздохнул Казанцев, – на чье имя документы?

– Паспорт на имя Кости Воронова, – покраснел участковый, – его как раз начали разыскивать. Смерть наступила около шести утра, в результате падения. С крыши этого дома, вероятно.

– Очевидно, – поправил его Казанцев, – сколько лет было уби... парню?

– Семнадцать, – участковый проследил за взглядом следователя и увидел Женю, разговаривающую с группой криминалистов.

– Кто вызвал милицию? – Без особого интереса спросил Казанцев, продолжая смотреть на свою невесту. Ее руки опускались и поднимались в такт произносимым ею словам, и Андрей вспомнил, как когда-то это его забавляло.

– Один из жильцов этого дома, он сейчас сидит у нас в машине, готов проехать для дачи показаний, – Волков кивнул на серый запорожец с мигалками и большой надписью «МИЛИЦИЯ», стоявший около заснеженной клумбы.

– Чем-то пахнет? – Казанцев рассеянно посмотрел на своего собеседника.

– Я... – участковый удивленно шмыгнул носом и задумчиво опустил брови, – весна же, так и должно пахнуть...

– Нет... – Андрей озабоченно покачал головой и бросил быстрый взгляд на Женю, маячившую около дома, – как будто что-то сгнило...

Его невеста достала из кармана телефон и остановилась рядом с третьим подъездом, с крыши которого свисал ряд сосулков разных форм и размеров.

– Там промзона, почти сразу за этим домом, – пожал плечами Волков, – может, оттуда несет? У них там вроде как завод, там ведь должно что-то разлагаться?

– Это его родители? – Казанцев внимательно посмотрел на женщину с прической из прошлого века и мужчину, семенившего за ней. Она что-то громко прокричала одному из криминалистов, и тот отрицательно покачал головой.

– Да, они приехали вместе с вашей... – участковый замаялся и потупил взор.

– С моей коллегой, – закончил Андрей, хмурясь, – готовьте носовые платки.

Женщина отчаянно закачала головой, и криминалист, всплеснув руками, отдернул белую ткань, скрывающую труп. Несколько секунд они молча всматривались в искалеченное тело, а затем мужчина всхлипнул, а его супруга громко выругалась.

– Это он! – Закричала Анна Владленовна, отбегая от тела своего сына. На ходу она закурила тонкую длинную сигарету и стремительно направилась в их сторону, – что вы с ним сделали?!

– Мы ничего не... – испуганно проямлил участковый, делая шаг назад.

– Что случилось с моим сыном?! – Завизжала женщина, обратив на себя взгляды работников милиции и любопытных зевак.

– Суицид, – отстраненно ответил Андрей, задержавшись взглядом на служебном автомобиле со свидетелем внутри, – вероятно.

Анна Владленовна проследила за его взглядом, и, сузив глаза, заметила внутри машины силуэт человека, заерзавшего на сиденье.

– Нас попросили опознать – мы опознали! – Истерично выкрикнул Алексей Петрович, проводя рукой по лысеющей голове, – мы свою работу сделали, теперь ваша очередь!

– Это убийство, – нахмурившись, покачала головой Анна Владленовна, – моего Костика убил этот сукин сын!

– Этот? – Переспросил ее муж, растерянным взглядом оглядев Казанцева.

– Тот! – Женщина стремительно направилась к машине, и Алексей Петрович бросился за ней.

– Чадский сказал, что тебе нужна моя помощь, – коротко бросила Женя, подходя к ним, – мне твоя нет, к слову. Нужно будет подтвердить суицид, и...

– Есть одна загвоздка... – кашлянул участковый Волков, – целых три, если быть точным...

– Быстрее, – нервно поторопил его Казанцев, постукивая пальцами по ноге.

– Мы нашли проездную карту на имя Сергея Кузнецова, а еще свежий окурочек, который уже забрали криминалисты для сравнения отпечатков, – запинаясь, ответил парень, – все это лежало на крыше, туда поднялись наши ребята.

– Кто такой Сергей Кузнецов? – Перебила его Женя.

– Свидетель, – участковый кивнул на серый запорожец с пассажиром внутри.

– Обвиняемый, – поправил его Казанцев, скривив правый уголок рта, – расскажешь, как собираешься подтвердить суицид?

Женя, проглотив подступившее чувство обиды, молча наблюдала за тем, как Анна Владленовна с криками стучит в окно милицейской машины, а один из участковых пытается ее унять.

– Думаю, что тебе не стоило выходить на работу, – строго заметил Андрей, снисходительно посмотрев на ее брови, согнутые домиком, – ты ведь сама понимаешь, что не готова к этому расследованию. Ты не готова к работе.

Алексей Петрович попытался вмешаться и обхватил криминалиста, пытавшегося оттащить его супругу, и через мгновение получил локтем в нос. Он упал на землю вместе с Анной Владленовной, неудачно попытавшейся открыть дверцу.

– Я просто хочу, чтобы ты поняла, что мне тоже.... – устало начал Андрей, опираясь на здоровую ногу.

Женя, не дослушав окончания фразы, быстрыми шагами направилась к месту потасовки. На ходу она ловким движением выхватила из кобуры табельный пистолет, подняла его вверх и нажала на спусковой крючок. Оглушительный грохот заставил Анну Владленовну испуганно вскочить с земли и поправить свои растрепанные светлые волосы.

– Прекратите! – Громко прокричала Женя, бросив беглый взгляд на мужчину, сидящего в машине. Он испуганно вжался в автомобильное сиденье, не отрывая глаз от разъяренной Анны Владленовны.

– Он... он убил моего сына! – Растерянно воскликнула женщина.

– Это еще не доказано, – коротко ответила следователь, подходя ближе, – Немедленно покиньте место преступления, пока нам не пришлось применить к вам силу.

Женя нервно засунула пистолет в кобуру и, развернувшись, направилась к своей машине. Андрей проследил за ней растерянным взглядом и засунул руки в карманы серого пальто в поисках сигарет.

– А вот и наш именинник!

Комок спутанных темно-рыжих волос ударился ему в лицо, и в следующую секунду сухие руки уже обнимали его за шею, а запах душного спиртового парфюма бил ему в нос.

Андрей выдавил на лице глупую улыбку и неловко похлопал женщину по спине, пытаясь выбраться из ее цепких объятий.

– Вы застали меня врасплох, Надежда Анатольевна, – он сделал шаг назад, треснувшись затылком о бледно-синие отштукатуренные стены милицейского участка, – у меня там свидетель на допросе.

– Подождет! – Пропел контральто Надежды Анатольевны, – будет буянить – влепишь ему четырнадцать суток – будет знать, как портить день рождения моему Андрюшеньке! Сколько там тебе набежало? Тридцать четыре?

– Бог с вами, двадцать восемь с утра было, – покачал головой Казанцев, пытаясь уклониться от пьянящего аромата спирта, будоражившего темные стороны его сознания.

– Не заметишь, как и тридцать четыре стукнет... – вздохнула Надежда Анатольевна, бросая печальный взгляд на выцветший календарь с котятками, висевший рядом с уставом и государственной символикой, – я тебя, вон, еще вот таким помню!

Женщина развела руки, продемонстрировав размер бутылки водки, которую Андрей с удовольствием осушил бы прямо сейчас, если бы ему не предстоял допрос подозреваемого и очередной вечер с замкнутой невестой, сводившей его с ума своим молчанием.

– Как там говорится у нас? – Надежда Анатольевна отодвинулась в сторону, пропустив пару оперативников и выжидающе замолчала, пока они пройдут мимо.

– Посадить дерево, построить дом и вырастить сына, ну или там кого-нибудь...

– Все мимо, – он засунул руки в карманы потертых брюк, скрывая дрожь в пальцах.

– А ты не перебивай! – Женщина шутливо махнула на него рукой, – ты, дорогой мой, расставил в своей жизни другие приоритеты. Нет, ну а что тут такого? Что хотим то и делаем, в рамках устава, конечно. Ты вот у нас вместо положенных, как бы я написала в рапорте, методических стандартов, посадил с десятков опасных уголовников.

– У нас в городе столько не...

– Построил крепкую карьеру, – Надежда Анатольевна строго подняла палец вверх, предупреждая, что ему лучше дать ей договорить, – и вырастил прекрасные отношения с твоей, можно сказать, без пяти минут женой. У меня самой детей нет, ты знаешь, что ты мне почти как сын, но Богом клянусь, если бы был – я хотела бы, да и все матери бы хотели, чтобы он вырос хоть наполовину таким же, как ты.

Андрей отвел взгляд от ее покрасневших глаз, и отошел в сторону, чтобы пропустить одного из своих сослуживцев, который коротко кивнул ему бритой головой.

– По правде говоря, у нас с Женей сейчас непростой период, – Казанцев прервал молчание, переходя на шепот.

– Это со всеми бабами до тридцати столько проблем! – Надежда Анатольевна выдавила из себя искусственный смешок и тут же покраснела, – прости, это все нервы, мне все-таки уже не двадцать восемь, да и не тридцать четыре. Ужасная трагедия, но это не конец света, поверь мне. Вы остались живы, а это главное.

– Да, но... – Андрей нащупал пальцами смятый снимок УЗИ, лежавший в правом кармане, – мы ведь даже имя выбрали.

– Денис – красивое имя, – женщина погладила его по руке, – оно имеет право на то, чтобы рано или поздно появиться в вашей жизни.

– Не уверен, что Женя когда-нибудь будет готова... – Казанцев покачал головой, бегая взглядом по бледно-синим стенам, – да и мне, честно говоря...

– Бунт на корабле?! – Пробасил низкий мужской голос сзади них.

Надежда Анатольевна испуганно подскочила на месте и тут же повернулась.

– Сергей Николаевич? – Удивленно воскликнула она, увидев начальника.

– Я всегда говорю, что разговоры в трюме ни к чему хорошему не приводят! – С напускной серьезностью продолжил крупный мужчина с поседевшими висками, – что это вы тут шепчетесь в неуставное время?

– Так праздник! – Надежда Анатольевна развела маленькими ручками, – вы уже поздравили Андрея?

– С чем? – Нахмурился Чадский и тут же хлопнул себя по лбу, – парус мне в глотку, Андрей Казанцев! Помню, как твой отец первый раз привел тебя к нам в отделение! Сколько это лет назад было? Тридцать четыре?

– Двадцать восемь, – кивнул он, отводя взгляд от календаря с котятками.

– Гм, я не умею толкать речи, тосты мне тяжело давались... – Сергей Николаевич кашлянул и сжал своей рукой правое плечо Андрея, – как говорится, мы за тобой с самого детства следили, наблюдали, так сказать, твое становление. Ты знаешь, что мы с твоим отцом давно знакомы, и он остается примером для своего поколения, хоть многих уже мы похоронили... да и думаю, для тебя он тоже всегда был и будет примером. Как говорится, для мальчика, гм, отец в воспитании важнее, чем мать.

– Хоть он и перегибал палку, – Вставила Надежда Анатольевна, заметив, как покраснели щеки у Андрея, – в каких-то принципиально важных вопросах.

– В любом случае, он все равно останется для нас всех примером, гм, настоящего мужского поведения, – выдохнул Сергей Николаевич, – правильно я говорю?

– Правильно, – кивнул Казанцев, сжимая руки в кулаки, – настоящий мужчина. Помню, как на мой четырнадцатый день рождения он подарил мне двух проституток, которых сам же и арестовал часом ранее. Ну не молодец ли?

– Андрей... – Надежда Анатольевна предостерегающе посмотрела на него.

– А я о чем говорю? – хмыкнул Чадский, – ну и твоя мать, конечно, мировая женщина. Мы все уже выражали тебе наши соболезнования... если бы не она, ты бы так и закончил свою жизнь, как я тогда сказал...

– С бутылкой в руках и сигаретой в зубах, – вспомнила женщина.

– Именно! – Закивал начальник, тряся лысеющей головой, – а так, твою подростковую психику успешно привели в соответствие с конституцией нашей страны, и...ну, гм, ты стал собственно тем, кем сейчас...являешься. Вот. Не будь, в общем, трюмной крысой, а будь хорошим капитаном своего корабля под названием жизнь, во как!

– Ну, мастерски сказано! – Надежда Анатольевна радостно хлопнула в ладоши.

– Сам придумал, – тут же соврал Чадский, довольный собой, – как, кстати, твоя нога?

– Совсем незаметно, что ты прихрамываешь! – Кивнула женщина.

– В моем возрасте без шрамов уже как-то неудобно, – мельком улыбнувшись, ответил Казанцев, и нетерпеливо застучал носком правой ноги по полу, в ожидании конца разговора.

– Правильно! – Согласился Чадский, – так держать! Ну...

– Есть еще одно, – перебил его Казанцев.

– Докладывай, – Сергей Николаевич тут же нахмурился и внимательно посмотрел на него.

– Я не уверен, что Жене стоит работать со мной по делу, которое мы возбудили утром, – выпалил он, отводя взгляд, – я не думаю, что она готова к возвращению.

– По правде говоря, Андрей, я всегда на твоей стороне палубы, ты знаешь, – понизив голос, ответил мужчина, – но ей нужно реабилитироваться. Ты бери на себя все расследование,

а она пусть с тобой походит, втягивается понемногу. Все-таки у нее этот, как его, стресс, или еще черт возьми что, я все-таки не доктор... в общем, я не разбираюсь в этих ее диагнозах и разбираться не хочу. И вообще, Андрей, ты какого черта мне вопросы эти задаешь? Капитан приказал – штурман делает!

– Просто спросил, – Андрей успокаивающе поднял руки перед собой.

– Просто спросил! – Поддержала его Надежда Анатольевна, кивая головой, – все правильно вы говорите, Сергей Николаевич, как обычно, безусловно... пусть бумажки пособирает, свидетелей подпрашивает, поставит себе свой суицид, то есть не свой, конечно, а этого мальчика. Вот, глядишь, и в процесс втянется, как Сергей Николаевич говорит.

– Именно, – тяжело дыша кивнул Чадский, – она там уже допрашивает какого-то вашего подозреваемого, вид у нее вполне здоровый...

– Как допрашивает? – Казанцев удивленно открыл рот.

– Пусть подпрашивает, Андрюша! – Женщина осторожно погладила его по плечу.

– Весь в отца, – Чадский устало махнул рукой, переводя дух, – тот тоже любитель поспорить. Валерьянки на них не напасешься, на этих Казанцевых.

– Весь в отца! – Закивала миниатюрная женщина, – а как он, Андрюша? Был у него?

– Не горю желанием, – Казанцев покачал головой.

– А если чего случится? – Нахмурился Сергей Николаевич, – он же там один, в такой, мать его, простите за мой французский, в...

– Далеко он, верно! – Перебила его Надежда Анатольевна.

– Из похоронного бюро пока не звонили – значит, живой, – Андрей раздраженно засунул руки в карманы в поисках несуществующих сигарет.

– Андрей! – Возмущенно цокнула женщина.

– Ну весь в отца, – вздохнул Чадский, отходя в сторону, чтобы пропустить высокого парня, идущего к выходу.

– Не думаю, что... – Андрей внимательно всмотрелся в человека, который захлопнул за собой дверь, – а это не свидетель по сегодняшнему делу?

– Ой, точно, он! – Воскликнула Надежда Анатольевна, провожая его взглядом, – я сегодня его видела, такая лицо у него запоминающееся.

– Ну вот, – Андрей глубоко вздохнул, сжимая руки в кулаки, – подпрашивала.

4.

-Черт! Ох...твою мать! Чтоб его...

Олеся поспешно подняла со стола опрокинутую кружку, из которой вытекал горячий кофе, обжигая бледную кожу ног.

– На юбку не попало, слава Богу! – Надя облегченно вздохнула и достала салфетку из пластикового стаканчика, – вытри, вот, там маленькое пятнышко сбоку.

– Горячо... – простонала Олеся, закусив губу, – просто ужасный день!

– А если бы на блузку попало? – Цокнула подруга, быстро помахав рукой своей знакомой из отдела верстки.

Олеся расстроено осмотрела столовую в поисках людей, которые могли стать свидетелями ее позора, а затем опустила глаза на коричневое пятно, расплывавшееся по серовой скатерти.

– Просто кошмар какой-то... – пробормотала девушка, закрыв лицо руками.

– Ну, хватит, – с укором покачала головой Надя, – будешь нервничать – прыщики выскочат. И, вообще, помнишь, как на семинаре говорили – не подвергайте свою энергетическую оболочку отрицательному воздействию! А ты сейчас вот этим и занимаешься, что подвергаешь!

– Не спасти, – Олеся раздраженно покачала головой и растерянно провела салфеткой по маленькому пятнышку, оставшемуся на бежевой юбке, – мою оболочку уже не спасти, точно тебе говорю. Цитируя великих: «выросла ты, дочка, неудачницей»!

– Опять ты за свое! – Надя стрельнула глазами симпатичному парню из курьерской службы и тут же нахмурила брови, – правильно семинаристы говорят: все проблемы из детства. Надо им тщательнее поработать над воздействием твоей матери.

– Во-первых, так Фрейд говорил, а во-вторых, мне ее хватает и дома, – Олеся раздраженно скрутила в руках прядь черных волос, – а в-третьих, ни черта твои семинаристы не работают! Так же, как твоя гадалка, эта ведунья из Москвы, которая зарабатывает больше, чем британская королева!

– Ну не надо вот опять! – Подруга закатила глаза и откинулась на металлическую спинку стула.

– С ними же в списке йоги, буддисты и эти новомодные тренера по личностному росту, которые кроме роста цен на свои встречи ничем больше не занимаются! Кто дальше? Фея-крестная? – голос сорвался на крик, и Олеся испуганно обернулась на людей за соседним столиком, бросивших в их сторону неодобрительный взгляд.

– С мужем развелась, – пояснила Надя коллегам и выдавила из себя мученическую улыбку, – со вторым.

Олеся поставила локти на стол, залитый кофе, и закрыла лицо руками.

– Ты не виновата, – подруга заботливо погладила ее по плечу, – ну, оказался козлом, что теперь? Подумаешь, забрал вашу квартиру, ну, и что теперь?

– Мне скоро тридцать, – вздохнула Олеся, боязливо убирая руки от лица.

– Всего.

– Уже.

– Зато с работой смотри как все, – Надя задумчиво посмотрела на мужчину, вошедшего в двери столовой, – вон, смотри, идет! Новый наш главред.

– Это он? – Олеся подняла влажные глаза на очередь в буфет, куда встал мужчина, – какой-то он...

– Мерзкий, – договорила девушка, – вот прям видно, что противный.

– Сколько ему? – Она поспешно отвернулась, заметив, что он поймал ее взгляд.

– Как будто двадцать пять и пятьдесят одновременно... – задумчиво пробубнила Надя, делая вид, что изучает маникюр на своих красных ногтях, – говорят, его папочка пристроил. Сам в мэрии, а сынишка главредом в главной городской газете. Ладно б хоть на лицо симпатичный, я ж так все планерки буду в потолок пялиться.

– Вот тебе и карьера, – Олеся почувствовала вкус вина во рту, и правая рука дернулась в поисках бокала с красным полусладким, – как дурочка хотела стать Кэтрин Грэм или Айдой Тарбелл, разоблачительные статьи писать... а пишу про то, что у Степаниды Ильиничны самая большая задница в поселке.

– Не занято? – Пропыхтел мужской голос позади них.

– Ой, доброе утро! – Пропела Надя, расплываясь в широкой улыбке, – присаживайтесь, почтите нас своим присутствием!

– Благодарю, – главный редактор кивнул и неуклюже опустил поднос с омлетом и стаканом какао на стол, – все не привыкну к местному рациону.

Мужчина неловко улыбнулся и опустил на третий стул, стоявший посередине.

– Чем богаты – тем и рады, как говорится! – Рассмеялась Надя, разведя руками, – а вы откуда такой загорелый к нам?

– Жил в Египте пару месяцев, – пожал плечами мужчина.

– Ну прям сверкаете как рыцарь бронзовый! – Цокнула девушка, быстро подмигнув Олеся, – а вы вот кто по знаку зодиака?

– Скорпион, кажется, – главный редактор покосился на пятно от кофе и попытался незаметно отодвинуться от скатерти.

– Ой, как интересно... – загадочно протянула она, пряча взгляд.

– А вы же ведете...

– Колонку с гороскопом, – закончила за него Надя, – самая читаемая, напомним.

– И что же сегодня у скорпионов? – С деланным интересом спросил мужчина.

– Ой, Виктор Леонидович, там такое... – перейдя на шепот, ответила девушка, – говорят, сегодня скорпион-мужчина будет сидеть за одним столом с самой лучшей журналисткой этого города.

Олеся смущенно опустила глаза, увидев на себе взгляд главного редактора.

– Ох, звезды зовут, пора бежать! – Поспешно воскликнула Надя и вскочила из-за стола, прихватив с собой поднос с грязной посудой.

– Так что же, это правда? – Понизив голос, спросил Виктор Леонидович.

– Это она так шутит, – неуверенно ответила Олеся, пытаясь отодвинуться от душного запаха его дорогого одеколona.

Мужчина огляделся вокруг в поисках людей, которые могли бы услышать их, и на всякий случай подвинулся ближе к девушке.

– По крайней мере, я сейчас сижу с самой красивой журналисткой в городе, – Виктор Леонидович положил руку на ее голое колено, и Олеся испуганно вскочила с места.

– Мне пора бежать, простите, – Девушка, покраснев, выбежала из столовой.

Олеся рассеянно проскользнула в редакцию и опустилась на свой стул, борясь с подступающей тошнотой. Она взяла себя за запястья и вздрогнула, услышав телефонный звонок.

– Я не могу сейчас говорить, – коротко сообщила Олеся, услышав в трубке тяжелое дыхание матери, – буду поздно сегодня.

– Это еще с какого такого перепугу? – Ответил сердитый голос.

– У меня важный материал, много работы, – вздохнула журналистка, – кажется, важный.

– Ты матери-то не ври. Опять ухажер нашелся? – Проскрипел голос на другом конце, – ты смотри, я третьей свадьбы не переживу, ей Богу.

– Не начинай, – устало ответила Олеся, – там мальчик с крыши бросился, это важный материал.

– Важный материал?! Они тебя с кем-то спутали, милая моя! – Женщина выдавила из себя несколько лающих смешков, – я бы тебе и банку огурцов закатать не доверила, с твоими то руками-крюками! Важное дело нашлось у нее! Чтоб к восьми была дома, будет жареная картошка с селедкой.

5.

Он пошевелил своими усиками и на мгновение замер, почувствовав на себе взгляд Жени. Девушка дернулась, и он продолжил ползти по стене, перебирая своими ножками. Женя отвернулась от таракана и растерянно щелкнула шариковой ручкой. Звук заставил дернуться Сергея Кузнецова, и он еще сильнее вжался в деревянный табурет по другую сторону стола.

– Мы уже начали? – Нарушил молчание он, пытаясь незаметно увидеть содержимое документов, лежавших на ее столе.

– Что?

– Допрос.

– А... – Женя потерла виски и сомкнула вспотевшие ладони. За решетчатым окном выстукивала свою колыбельную мартовская капель, путая мысли в голове, и ей потребовалось несколько секунд, чтобы вернуть четкость взгляду.

– Просто хотел кое-что сказать, не под запись... – Кузнецов покраснел и положил левую руку на стол, чтобы придать себе больше уверенности.

– Здесь все равно нет записи, – девушка пожала плечами, потирая колпачок от ручки большим пальцем.

– Вот я и хотел сказать... – он расплылся в глупой улыбке и почесал затылок,

– тут же вообще ничего нет! Я смотрел так много этих фильмов, где два копа сидят за металлическим столом напротив подозреваемого. А сбоку такое мутное стекло, за которым все время кто-то стоит. Начинается допрос, копы играют в хорошего и плохого, и все такое...

– Вы хотите второго... «копа»? – Перебила его Женя, согнув брови узкой черной галочкой, – он сейчас придет.

– Нет, я совсем не об этом! – Кузнецов смущенно улыбнулся и обвел взглядом маленькую комнату, – просто хотел сказать, что это место выглядит как обычная квартира в моем доме.

Женя бросила на него короткий взгляд и взяла в руки фотографию Кости Воронова, оставленную его родителями. На нее смотрел худощавый парень с длинными спутанными черными волосами, лежавшими на манер рокера. Она была более чем уверена, что у него наверняка дома найдется кассета с песнями Цоя или Кобейна. А может, и все сразу.

– Мы кого-то ждем? – Кузнецов невзначай положил правую руку на серебристые наручные часы с треснутым стеклышком.

– Следователя, – не поднимая глаз ответила Женя.

– Надеюсь, это не тот угрюмый хромающий тип, – парень придвинулся вперед, положив вторую руку на столешницу, – он так на всех смотрит, как будто у него в каждом глазу по шестизаряднику, которым он может выстрелить в любой момент.

– Его, – кивнула девушка, – к несчастью, он мой жених.

– Вы меня посадите, – с уверенностью заявил Кузнецов и виновато прикусил губу.

Женя хотела улыбнуться, но заметила таракана, темной точкой замершего на стене и капля пота сбежала по правой лодыжке.

– Давайте начнем, Сергей Валентинович.

– Можно просто Сережа, – предложил он, – все равно отчество ненастоящее.

– Псевдоним? – Не поднимая взгляда, спросила Женя.

– Просто не хотелось выделяться, – ответил Кузнецов, поставив локти на стол, – Все наши взяли себе отчества, чем я хуже?

– Ваши?

– Детдомовские.

– По вам не скажешь, – хмыкнула Женя, переворачивая фотографию Кости Воронова.

На обороте неровным почерком стояла короткая надпись: «Косте 16».

– И почему же?
– Обычно своих сразу узнаю.
– Так у нас одна...классовая принадлежность? – Парень откинулся на спинку деревянного табурета, – есть, что обсудить...
– Боюсь, что у нас есть другая тема для разговора, – девушка взяла в руку снимок трупа Кости, сделанный сегодняшним утром криминалистами, и сжала ручку в пальцах, отвернувшись от черных волос как у рокера, свисавших с разбитой окровавленной головы.
– Будем говорить обо мне? – Развел руками Кузнецов.
– Верно.
– Не обещаю, что будет интересно.
– А вы постарайтесь.

– Попробую. Раз уж мне достался хороший коп.
– Не делайте поспешных выводов.
– Вряд ли ваш хромой жених угощает клубничными конфетами с глазурью на своих допросах, – усмехнулся парень, пытаясь поймать её бегающий взгляд.

Таракан на мгновение исчез из виду, но затем тут же возник бегающей точкой на потолке. Он прополз под тусклой лампой, создав гигантскую черную тень, скрывающую все неровности штукатурки.

– Итак, Сергей Кузнецов, двадцать пять лет, живет в тридцать четвертой квартире по улице Ленина. Безработный любитель клубничных конфет с глазурью, – Женя встретилась с его глазами и краска прилила к ее ушам, спрятанными под каштановыми кудрями, – все верно?

– Мне еще грильяж нравится, – с серьезным лицом кивнул он.
– Надо же... – следователь сделала вид, что записала это в своей тетради, – я уж думала, что в мире не существует тех, кому нравится грильяж...

– Виновен! – Кузнецов слабо ударил кулаком по столу и рассмеялся.
Женя поборола уголки губ, которые хотели подняться, и щелкнула ручкой.
– Итак, при каких обстоятельствах вы нашли тело Кости Воронова, Сергей?

– Я проснулся около шести утра, как обычно... – Кузнецов поднял глаза в левый верхний угол и сосредоточенно забарабанил пальцами по столу в такт капли за окном, – потом я, как всегда, поднялся на крышу, чтобы встретить рассвет и выкурить утреннюю сигарету. Потом я спустился, чтобы пойти в ларек через дорогу, а когда вышел, то увидел, ну... – он замялся, пытаясь подобрать нужное слово, и пальцы правой руки зависли в воздухе, так и не опустившись на стол для удара.

– Труп, – подсказала Женя, пряча фотографии в папку.
– Да, – поморщившись, ответил он, – его.
– Вы были знакомы?
– Нет.
– Видели его на крыше утром?
– Нет.
– Два человека. Одна крыша. Одно время. Не видят друг друга? Не верю.
– Может, он поднялся через другой подъезд и стоял в стороне? – предположил Кузнецов.
– А может, у вас случилась потасовка на крыше, в результате которой ваш проездной выпал из кармана, а Костя Воронов оказался лежать на асфальте? – с непроницаемым лицом предположила Женя, пытаясь отследить реакцию собеседника.

– Может.
– Может?
– Да все что угодно может быть. И могло быть. – Кузнецов вздохнул и придвинулся ближе, – я знаю все ваши фразы про то, что следствие не верит в совпадения, но это не значит,

что их не существует. Поверьте, если бы я встретил его сегодняшним утром, то остановил бы, не задумываясь. Говорить я умею, как видите.

– Еще как, – кивнула Женя, – только вот вы оперируете вероятностями и совпадениями, а я – фактами и уликами. Есть факт – два человека были на одной крыше этим утром. Факт подтверждается уликами. Не бойтесь, что в результате этого совпадения вашей судьбой станет место в общей камере с зеками, которые страсть как не любят детоубийц?

– Может и так, – Кузнецов пожал плечами, – А может, моим сокамерником станет опальный олигарх, который выдаст мне данные своих офшорных счетов с многомиллионным состоянием? Я стану богачом, а когда выйду из тюрьмы, то попаду под грязный КамАЗ с пьяным водителем внутри. Может быть все, что угодно. Вы никогда не предугадаете заранее, что произойдет в следующий момент, не так ли? Может, завтра мы станем любовниками, или я прямо сейчас наброшусь на вас с ножом? Все это кажется таким же абсурдным, как если бы сегодняшним утром мне сказали, что я буду стоять на одной крыше с самоубийцей.

На секунду где-то рядом возник аромат персиков, но он тут же пропал, едва таракан пошевелил своими длинными усиками на противоположной стене.

– Я вас раскусила, – девушка незаметно вытерла потные ладони о темные брюки.

– Раскусили? – Кузнецов удивленно поднял брови, пряча полуулыбку.

– Вы флиртуете со мной. – Ответила Женя, намотав на палец прядь своих кудрявых волос, – хотите, чтобы мое девичье сердце затрепетало, и я поверила вашей удивительной истории про олигархов и пьяных водителей. Нет, я не отрицаю, что могла вам понравиться и без обмана, но...

– Я гей.

– Ой... – девушка начала нервно перекладывать бумаги на маленьком столе, пока лицо медленно приобретало бордовый оттенок, – мне просто показалось, что... извините, это было непрофессионально.

– Шутка. – Кузнецов прыснул в кулак и виновато закусил губу.

– Я вас арестую.

– А по-моему вышло забавно.

– Арестую, Богом клянусь! – Женя улыбнулась и закрыла лицо руками, чтобы не видеть навязчивого таракана, – вы...вы поставили меня в неловкую ситуацию, вам...должно быть стыдно.

– Просто вы так уверенно это сказали, что я с вами флиртую, – Кузнецов закинул руки за голову, напрягая мускулы, выпирающие из-под рукавов тесной футболки, – страшно подумать, что случилось бы, если бы я правда начал флиртовать.

– Мой жених расстрелял бы вас из своих шестизарядников, – кивнула Женя. В помещении стало жарко, и девушка отодвинула от себя верхний край блузки.

– Боюсь представить, как бы он нес мое тело со своей хромой ногой, – парень покачал головой, – бедняга бы весь день тащился, если не больше.

Девушка рассмеялась, и он широко улыбнулся, сверкнув белыми зубами. Вода методично стучала по карнизу, и на мгновение Жене показалось, что стены тесной комнаты для допросов сдвигаются в сторону до тех пор, пока не исчезают в белой туманной дымке. И вот к звуку капли уже добавляется птичий перезвон, и все заполняется персиковым ароматом.

– У вас будет мальчик.

Таракан спустился на деревянные половицы и медленно пополз в ее сторону.

– Что? – Женя перевела взгляд на улыбающегося Кузнецова, который удивленно поднял брови, заметив ее растерянное выражение лица.

– Мальчик, – повторил он, – у вас будет мальчик.

Таракан пробежал рядом с ее правой ногой и заполз в одну из щелей в деревянных половицах пола.

– Так что дальше? – Кузнецов с тревогой посмотрел на застывшую девушку.

– Дальше? – Женя очнулась и задумчиво посмотрела на папку с перевернутыми фотографиями, – вероятно, у нас возникнут еще вопросы, поэтому мы оформим подписку о невыезде.

– Надолго?

– Если предъявим официальные обвинения, то будем надеяться, что вы встретите своего олигарха, либо наймете хорошего адвоката.

– Судьба решит, – Кивнул Кузнецов, вставая с места, – Я был бы не против, если она увеличит количество наших встреч. И не в зале суда, желательно.

– Шестизарядник, Сергей. – Напомнила девушка, пряча взгляд.

– Думаю, что с его ногами он меня не догонит, – улыбнулся парень и исчез в коридоре, осторожно прикрыв за собой дверь.

Женя посмотрела на записи в своей тетради, и взгляд замер на рисунке таракана, сделанного на полях.

– Мальчик, семнадцати лет... – прочитала она одну из своих записей, – мальчик.

Дверь с шумом открылась, и шестизарядники ее жениха с порога выстрелили в нее.

– Это наш подозреваемый? – Спросил Казанцев, сжимая руки в кулаки.

– Ты опоздал, – коротко ответила Женя, вставая из-за стола, – я взяла показания у свидетеля.

– У подозреваемого, – хмыкнул Казанцев, – или, пока меня не было, дух Кости Воронова пришел к тебе и лично свидетельствовал за то, что этот человек невиновен?

– Только дух благоразумия заходил, – Женя раскусила невидимый острый перец, и рот прожгло огнем, – просил передать, что дух Жени на дух не переносит, когда дух Андрея лезет в ее работу.

Девушка сгребла бумаги в кучу и подошла к двери, остановившись позади Казанцева.

– Не терпится получить очередную галочку за раскрытое дело? – Шепотом спросила она, не поворачивая головы.

– Мы должны быть уверены, – покачал головой Андрей, – это наша работа. Нужно отработать обе версии, допросить свидетелей...

Дверь с шумом захлопнулась, оборвав его на полуслове. Из щели в деревянной половице выполз большой таракан и удивленно замер перед мужчиной. Тяжелый ботинок Казанцева с хрустом опустился на его тельце, и усики насекомого дернулись в предсмертной конвульсии.

6.

Столб огня вырвался из открывшегося отверстия и опалил протянутую к нему сигарету. Анна Владленовна задумчиво затянулась, втянув и без того впалые бледные щеки. Табачный дым коснулся легких, и она открыла рот, выпустив сигаретные клубы наружу. Женщина оглядела свою гостиную и остановилась взглядом на испуганной журналистке городской газеты, вжавшейся в диван с рисунком из выцветших хризантем.

– Значит, про подарок судьбы записали, милочка? – Анна Владленовна грациозно подставила руку под подбородок, воображая себя светской дамой в прокуренном салоне девятнадцатого века.

– Отличник, спортсмен, добродушный и отзывчивый мальчик, – послушно перечислила Олеся, не поднимая взгляда от блокнота для записей.

Стрелки больших напольных часов с шумом сдвинулись, и Алексей Петрович испуганно вздрогнул, поежившись на другом конце дивана.

– Суховато, вам не кажется? – Неуверенно пожал плечами мужчина.

– Пушкин, собственной персоной! – Возмущенно воскликнула Анна Владленовна, хлопнув свободной рукой по своей ноге, – там уж наверно Гоголь в гробу искрутился, боится, бедный, что ты за него второй том допишешь со своим-то писательским дарованием!

– Я просто спросил... – потупившись, ответил Алексей Петрович.

– Давайте перейдем к главному вопросу, – продолжила женщина, – на какой странице мы будем?

– Не дальше девятой, это точно, – уверенно кивнула Олеся, нервно теребя прядь своих волос.

– На девятой?! – Сигарета дрогнула в руках Анны Владленовны, едва не упав на пыльный ковер, – ладно, они не заплатили нам за интервью, но на девятую страницу? С нашим-то горем?

– Аморальная страна! – Поддакнул ее муж.

– Оперуполномоченный по вашему делу отказался давать комментарий, поэтому не получится на первую полосу, – Олеся почувствовала покалывание в животе.

– Подумать только! – Задумчиво воскликнул Алексей Петрович, снимая с себя очки, – мне эта девица сразу не понравилась.

– Так вот ты чем занимался! – Анна Владленовна стряхнула пепел на пол, – у него сына убили, а он на всяких девиц заглядывается! Мачо, да и только!

– Аня! У нас же гости... – боязливо напомнил мужчина, – у Костика вот похороны завтра...

– Так скоро? – Вырвалось у Олеси.

– А что нам тянуть? – Пожала плечами Анна Владленовна, – чай не в бархатном гробу хороним!

– Вы представляете, какие мы расходы вынуждены нести? – развел руками Алексей Петрович, – квартире вот требуется капитальный ремонт, например! При нынешнем президенте все вроде стабилизироваться начало потихоньку-помаленьку, мы уж думали плиту новую покупать на кухню, а тут такие расходы...

– Да что ты везде своего президента суешь? – Всплеснула свободной рукой женщина, – он сегодня есть – завтра другого поставят, послезавтра третьего, а потом и опять страну развалят, как в девяносто первом.

– Боюсь, мы отошли от темы, – вежливо проговорила Олеся.

– Действительно, – опомнилась Анна Владленовна и затушила сигарету обслонявленными пальцами, – значит, ремонт кухне нужен. Хотя вообще из всей квартиры это самая прогрессивная часть – в ней относительно новые обои. Только плита маленькая, с рук брали.

– И шкафы! – Вставил мужчина.

– Да, и вот это вот чудо-юдо прибило шкафы своими кривыми руками, торчащими из его тощей задницы. Моя мечта, можете так и написать, чтобы все на кухне было самым новым! Я в телемагазине видела такую посудомойку на днях, знаете ли!

– Зато трехкомнатная, – пожал плечами Алексей Петрович, – нет, конечно, с этими непредвиденными расходами содержать будет сложнее. А коммунальные услуги? Я, извините, не для того на двух работах работаю, чтобы за воду ржавую каждый месяц платить!

– Я тебе давно сказала – иди и из колодца таскай! – Съязвила женщина, – работает он на двух работах, герой труда! Первое мая пусть переименуют в день Лешки-алкоголика, что на двух работах штаны просиживает! Две работы, ну надо же!

– Да, две работы! – Взвинулся Алексей Петрович, – между прочим, на государственных объектах! Особой важности!

– Государственный объект, ну надо же! – хмыкнула Анна Владленовна, – сторож он в детском саду в две смены, вот тебе и государственный объект с двумя работами! Господи, у меня траур, а он сидит здесь кичится!

– А каким спортом он занимался? – Прервала их Олеся, держа ручку наготове, – вы сказали, что Костя был спортсменом. Хорошо было бы уточнить, чем именно он занимался.

– Не знаю, – женщина пожалала плечами, – кто поймет эту молодежь сейчас? Раньше все было предельно просто, так нет, развалили...

– Аня, это и мой сын тоже, – помрачнев, перебил ее Алексей Петрович.

– Чего ты там бормочешь? – Переспросила она.

– Ты сказала! – Жалобно воскликнул он, – сказала, что у тебя траур! Но это и мой сын тоже, так что у меня есть право тоже быть в трауре!

– Вот как! Теперь он твой сын?! – Анна Владленовна покраснела и раздула щеки, – Как ему костюм новый в школу покупать, так он не твой сын! А как показуху устраивать перед посторонними, так это мы будем спорить о том, кто больше скорбит! Какой же ты, Леша! Как это низко! Ох, таблетки...

– Скорую? – Олеся испуганно поднялась с дивана.

Алексей Петрович бросился к старому шкафу, достал оттуда маленькую коробочку и извлек оттуда пузырек с таблетками, а затем еще более стремительно побежал на кухню за водой, попутно коря себя за слишком резкие слова в адрес жены. Наливая воду в граненый стакан, он услышал звук работающего телевизора.

– Вот я вам, милочка, про эту посудомойку говорила, – воскликнула Анна Владленовна, не глядя взяв у мужа стакан с водой и пузырек с таблетками, – вы представляете, чтобы в мои золотые годы цены на что-то росли? Нет!

– Не было ничего, вот цены и не росли, – пробурчал Алексей Петрович, нахмурившись.

– Чего тут каркаешь стоишь? – Женщина пронзила его острым взглядом, – хоть бы в магазин за водкой ходил, что ли. Сам сказал, что завтра похороны.

– Я вас провожу, – Олеся прижала свою сумочку в руках, избежав тяжелого взгляда женщины, – до свидания.

– Ага, – кивнула Анна Владленовна, подозрительно покосившись на мужа, – вы там с моим поаккуратнее, он у нас мачо недоделанный.

– Аня! – Цокнул Алексей Петрович, надевая куртку.

– Аня-Аня! Сигаретхвати мне, Аня! – Крикнула женщина на прощание.

Олеся с облегчением закрыла за собой дверь квартиры Вороновых и побежала вниз по лестнице за прытким Алексеем Петровичем, перепрыгивавшем через ступеньки, как непослушный ребенок, который хочет поскорее попасть на детскую площадку. Он быстрым движением распахнул деревянную подъездную дверь и с облегчением остановился под козырьком, со свисающими сверху сосульками.

-Что ваша жена имела в виду? – Олеся запахнула пальто и замерла рядом, – почему она сказала, что Костя не ваш сын?

-Он... – Алексей Петрович задумчиво почесал переносицу, – Он не мой родной сын. Когда мы с Аней познакомились, Косте был уже год, и мне пришлось... пришлось учиться воспитывать детей.

-Получилось? – Хмыкнула девушка, и тут же опустила глаза, – простите, не хотела...

-Конечно, я был не идеальным отцом... – Он пожал плечами, не заметив иронии вопроса, – А кто из нас совершенство? Такого не бывает, чтобы без изъянов, ведь так?

-Не бывает, – кивнула журналистка и неуверенно посмотрела время на наручных часах.

-Хорошо сегодня, – вздохнул Алексей Петрович, расправив плечи, – запахло весной, да? Как в песне поется, помните...?

-Да, во всех маршrutках играет, – вежливо улыбнулась Олеся.

-Я, конечно, не поклонник этих тюремных мотивов, – мужчина покачал головой, и шагнул с крыльца на асфальт, покрытый снегом, – но песни у них красивые. Казалось бы, я и тюрьма – два разных слова, но есть в этих текстах что-то цепляющее, не пойму что. Вот есть человек, который хочет на свободу, и все.

- А вы? – осторожно спросила журналистка, – вы хотите на свободу?

-Разве я не свободен? – Мужчина поправил очки на носу.

- Вы мне скажите, – Олеся пожала плечами и спустилась вниз, закрывшись рукой от яркого солнца, медленно исчезающего за горизонтом, – может, мне просто показалось, но вы не выглядите как человек, который счастлив в браке.

- Нет? – он сделал вид, будто удивлен и последовал за девушкой, – моя супруга... она женщина с характером, как вы могли заметить. Вы, наверное, спросите, почему я не уйду от нее...

- Не спрошу, – девушка покачала головой, осторожно ступая по весенней грязи, – моя работа не в том, чтобы слушать оправдания, Алексей Петрович.

- И вы... – мужчина запнулся, пытаясь подобрать слова, – и вы не скажете мне, что бы вы сделали на моем месте?

- Поведите себя как мужчина, – предложила Олеся, останавливаясь рядом с автобусной остановкой, – вам лучше известно, как это работает.

- Она... – Алексей Петрович понизил голос и опустил взгляд на тающий снег, – вы сами... вы будете готовы сказать нет тому, кто сильнее вас? Мне иногда кажется, что простого «нет» было бы достаточно, но для этого нужно гораздо больше мужества, чем для каких-то других мер, может, более радикальных.

- Без вашей супруги вы другой человек, – кивнула ему Олеся.

- Правда? – Он с благодарностью посмотрел ей в глаза.

- Журналисты не лгут, – девушка обернулась на звук подъехавшего автобуса, – это мой.

Алексей Петрович растерянно махнул на прощание рукой и замер около столба с расписанием, погрузившись в свои мысли. Олеся посмотрела в окно на то, как уменьшается его неподвижная фигура, и с облегчением выдохнула. Мимо прошло несколько детей, сжимавших в маленьких ручках разноцветные пакеты со сменной обувью, и на мгновение она представила себя в их возрасте. Маленькая девочка, которая бежит по коридору общежития с ранцем в руках, и громкий топот её маленьких ножек эхом возвещает всех жильцов здания о том, что юная Олеся вернулась со школы домой. Добежав до нужной двери, она с возбуждением начинает сильно стучать по ней, и через какое-то время дверь со скрежетом открывается.

– Ну чего ты барабанишь? Не на параде! – Приветствует ее мать Лидия Михайловна, придерживая сарафан, надетый на ее дородное тело.

– Мама, у меня радость! – С порога объявляет девочка.

– Правильно говорить не радость, а радостные новости, – устало поправляет ее женщина и подходит к плите, стоявшей в маленькой коморке рядом со входом, – чего там у тебя?

– Татьяна Владимировна сказала, что у меня самое лучшее сочинение про лето! – Маленькая Олеся радостно подпрыгивает.

– И чего ты прыгаешь, как стрекоза? Разве это радостные новости, а? Лучше бы ты нам нового папу привела! – Раздраженно отвечает Лидия Михайловна, – с одной похвалой далеко не уплывешь, нужно еще и гребсти чем-то по жизни, понимаешь?

Улыбка сползает с лица девочки, и она раздосадованно топает ногой:

– Но разве это я виновата, что папа ушёл?

–То есть это я виновата? – Злится мать Олеси, – дрянь мелкая! За словами бы последила, прежде чем матери такое говорить!

– Но я же ничего такого не говорила! – Возмущенно кричит маленькая Олеся, – ничего такого!

– Мать бы пожалела! – Лидия Михайловна беретса рукой за сердце и тяжело опускается на деревянную табуретку рядом с плитой.

– Мама, все в порядке? – Пугается девочка.

– Отстань, – отмахивается женщина, переводя дыхание, – ты меня, наверное, совсем не любишь. Воспитала на свою голову.

– Люблю, люблю! – Протестует маленькая Олеся и крепко обнимает ее.

– Тогда слушайся маму, – наставнически произносит она, – слушайся маму.

Автобус резко затормозил, и Олеся со всей силы ударилась головой о стекло.

7.

Дверь тихо скрипнула, и несколько детей повернуло головы на вошедших милиционеров. Андрей и Женя поспешили остановиться в самом начале зала, чтобы не помешать выступлению полноватого мужчины с маленькой бородкой, замершего на середине сцены.

– Это притча о человеке, шедшем в гору, – его голос раздался в динамиках, стоявших по всему большому залу, – он шел день, шел второй. Сменялись пейзажи, крутые склоны становились узкими скалистыми тропинками. Человек то бежал, то медленно ковылял, но продолжал свой путь наверх. Несмотря ни на что.

Андрей украдкой взглянул на Женю, следившую за оратором с приоткрытым ртом. Мужчина нахмурился и стал разглядывать лица детей, сидевших в зале.

– ...Видел перед собой конечную цель своего пути, пока однажды он не вышел на поляну. Там светило яркое солнце, журчал родник, и росла зеленая трава, так и манившая его. Человек остановился, лег на землю и решил остаться в той долине. Он прекратил двигаться и вскоре умер. Забавная притча, правда?

Женя кивнула головой в такт юным слушателям, и Андрей незаметно закатил глаза, подавив едкий смешок.

– Это ведь про всю нашу жизнь, – подытожил мужчина, – пока есть движение – есть жизнь, не так ли?

Он простодушно улыбнулся, разведя руками, и дети одобрительно закричали.

– Поэтому нам с вами тоже нужно подвигаться, верно? – Финал его слов заглушила громкая музыка, и на сцену выбежали ребята в красных галстуках, тут же занявшие свои позиции. Дети вскочили на ноги и принялись повторять танцевальные движения за старшими. В это время, незаметно для публики, удовлетворенный рассказчик спустился вниз и, с улыбкой посмотрев на начавшееся веселье, подошел к следователям.

– Простите, что заставил ждать, – благодушно поприветствовал он их и протянул руку Андрею, – надеюсь, я не утомил вас своей старческой болтовней?

– Слегка, – Казанцев пожал протянутую руку и выдал из себя короткую улыбку.

– В кабинет? – Спросил мужчина и, не дожидаясь ответа, вышел в коридор.

– Спасибо, что согласились уделить нам время, Яков Михайлович, – начала разговор Женя, закрывая за собой дверь в зал.

– А как же иначе? – Он прошел вперед по коридору, жестом приглашая их за собой, – когда случаются такие... когда люди делают такое с собой, то невольно начинаешь думать – а где был ты? Почему ты не заметил, не остановил? Как ты мог позволить погибнуть ребенку, который был с тобой рядом?

Андрей поежился и заметил, как Женя вытирает вспотевшие ладони о брюки. Они повернули на лестницу, и Казанцеву на глаза попался пролет, ведущий в подвал.

– Остается только искать себе оправдания, – продолжил Яков Михайлович, – говорить себе, что остались и другие, и ты не можешь себе позволить упустить и их. Напоминать, что работаешь с такой категорией детей, и не всегда все зависит от тебя, но все равно в глубине

души продолжать себе задавать одни и те же вопросы. Что ты мог сделать, чтобы Костя Воронов остался жив?

Мужчина достал из кармана брюк ключи и открыл свой кабинет, пропуская следователей вперед.

– Чай? – Поинтересовался он, заходя следом, – кофе не пьем, для здоровья вредно.

Андрей растерянно поискал глазами бутылку с водкой, но вспомнил, что стоит в доме пионеров, и с досадой засунул руки в карманы пальто.

– Расскажите о Косте, – попросила Женя, остановившись перед стеной, увешанной благодарственными письмами и дипломами.

– Костя попал к нам не так давно, – вздохнул Яков Михайлович, жестом приглашая их присесть, – вы когда-нибудь слышали о нашей организации до этого момента?

– Читала в газетах, – кивнула Женя, присаживаясь на один из стульев, стоявших перед массивным дубовым столом.

– «Юные сердца» – самая крупная некоммерческая организация в регионе, которая занимается работой с детьми, – напомнил мужчина, усаживаясь на свой большой стул за другим концом стола, – у нас занимаются дети почти из каждой школы города, и так это работает. Ты узнаешь, что твой друг ходит куда-то, где ему нравится, и просишь его взять тебя с ним – и вот вас уже двое

– Мы знаем, как работает пионерия, – прервал его Казанцев.

– Ничего общего! – Яков Михайлович яростно замотал головой, – как работала пионерия? Да так же, как и НКВД! Одни методы, мои друзья. Хочешь не хочешь, а вот тебе красный галстучек, белая рубашечка. Будь добр спой песню про зайку-попрыгайку, а теперь про светлое будущее коммунизма и вот про вождя еще, будь добр. А не нравится – враг народа, предатель родины и будущий ГУЛАГовец. Все на страхе, на принуждении. К нам приходят потому, что хотят! Согласен, нам не приходится работать инструментом для идеологической пропаганды, в этом нам повезло. Наши цели лежат совсем в других областях.

– Костя Воронов, – напомнил Андрей, нервно стуча ногой.

– Верно, – улыбнулся Яков Михайлович, – через пару десятков и ваши внуки будут вас перебивать и напоминать, что вы ушли от темы. Такой уж возраст! Действительно, я хотел сказать о том, что Костя попал к нам по приглашению, и не то, чтобы хорошо вписался в коллектив. Он был достаточно замкнут, знаете ли.

– Не плясал вместе с вашими красными галстуками и белыми рубашечками? – Язвительно спросил Андрей, откинувшись на стуле назад.

– И это тоже, – кивнул мужчина.

– Сколько друзей у него было? – Спросила Женя, смерив раздраженным взглядом своего жениха.

– Количество друзей не определяет человека, моя дорогая, – улыбнулся Яков Михайлович, – его внутренние качества, его стремления и желания – вот, что действительно важно! А то, скольким людям он готов открыться и скольких принять в свой круг общения – это сугубо личное дело каждого человека.

– Она задала вопрос, – напомнил следователь.

– Немного, – поджав губы, ответил мужчина.

– Вы... вы видели какие-то признаки того, что он собирается убить себя? – Женя внимательно посмотрела в его живое лицо.

– Боюсь, что fors omnia versas, как обычно, – пожал плечами он.

– Простите? – Девушка вопросительно подняла брови.

– Ох, прошу прощения! – Яков Михайлович хлопнул себя по лбу, – я говорю, что слепой случай решает все. В подростковом возрасте никогда не знаешь, какая именно из предпосылок оказывается верной. Мы все были в этом возрасте и помним, что любая незначительная

мелочь казалась катастрофой и концом света. Я вижу, к чему идут ваши вопросы, и ни в коем случае не осуждаю вас. Вы хотите услышать от меня о том, что он был забытым мальчиком, над которым издевались на заднем дворе и называли голубым, или как там их сейчас называют, а потом просто поставить пару печатей на его деле и со спокойной душой подать отчетность вышестоящему руководству.

– Пропустим оскорбление сотрудников при исполнении и перейдем к сути, – бросил Казанцев, под столом сжав руки в кулаки, – вы утверждаете, что Костя Воронов был убит? И причин для суицида у него не было?

– Боюсь, я окончательно вас запутал, – Яков Михайлович вздохнул и задумчиво посмотрел вверх, – я просто хочу призвать вас не относиться шаблонно к тому, что произошло в этой ситуации. Возможно, только возможно, стоит копнуть глубже? А может, наоборот? Кто знает? Костя был талантливым мальчиком, и мне, безусловно, хотелось бы верить, что это было не его сознательное решение. Потому что если оно им было, то мне станет чуть тяжелее верить в лучшее и сохранять оптимистичный настрой на свою пенсию.

– И в чем выражался его талант? – Хмыкнул Андрей.

– Принято считать, что талант должен в чем-то заключаться. Допустим, что человек хорошо рисует или поет – у него есть талант. Но он необязательно должен в чем-то выражаться, понимаете? – Мужчина внимательно посмотрел на следователей.

– На ваши сладкие речи, наверное, девочки на раз-два залетали на огонек.

– Ну это уже слишком! – Яков Михайлович раздраженно ударил рукой по столу.

– Тогда хватит лить воду! – Казанцев придвинулся вперед.

– Андрей... – Женя тихо вздохнула и закрыла лицо ладонью.

– Если у человека нет друзей – значит, у него их нет, – продолжил он, – не умеет на скалочке выше всех прыгать или стишок про Ленина наизусть рассказать – нет у него таланта! И не надо его оправдывать, а надо пойти и родителям по голове надавать за то, что на кружок по кройке и шитью не отдали в третьем классе.

– Вот она – государственная структура! – Воскликнул покрасневший Яков Михайлович, – из-за таких, как вы, мы катимся к черту! Формалисты, которые за рамки своих шаблонных квадратов и ни шагу не сделают!

– А вы растите деградирующее поколение, которое под песенки пляшет и думает, что они особенные просто потому, что они есть. Вбиваете в их головы понимание того, какие они прекрасные, а они потом с крыши прыгают от того, что это не имеет ни малейшего соответствия с реальной жизнью.

– Вы своему ребенку так и скажете? – Спросил разгоряченный Яков Михайлович, – ты, конечно, мой сын, но как человек ты не удался?

– То, что вы...

– Да заткнись ты уже! – Женя вскочила с места, опрокинув стул.

Мужчины замолчали, испуганно посмотрев на раскрасневшуюся девушку. Она бросила на Андрея взгляд, полный ярости, и вылетела из кабинета, хлопнув дверью.

– У нас... у нас сложный период, – пояснил Казанцев, не поднимая взгляда.

– Простите мою старческую запальчивость, – оправдывающимся тоном извинился Яков Михайлович, – мне правда жаль, что я ничем не могу вам помочь.

– Все в порядке, – кивнул Казанцев и поднялся с места.

– Дайте знать, если что-то понадобится, – добавил на прощание мужчина, потирая седые виски.

– Непременно.

Казанцев вышел из кабинета и пошел вперед, закрыв глаза.

– Эй!

Андрей остановился и, открыв глаза, увидел, что чуть не налетел на ребенка.

– Совсем что ли? – Удивленно спросил мальчик, посмотрев на него снизу вверх, – нельзя ходить с закрытыми глазами!

– Я...я просто задумался, – мужчина смущенно пожал плечами.

– Сейчас бы врезался в меня и платил бы компенсацию, – он покачал головой, – и я не шучу.

– Тебя как звать, такого смелого? – Усмехнулся Казанцев.

– Крылов Денис Сергеевич, – представился мальчик, – а тебя?

– Андрей Казанцев, – кивнул мужчина, – и я из милиции, вообще-то.

– Хвастаться нехорошо, – Денис покачал головой.

– Я взрослый, мне можно, – Казанцев развел руками, – тебя что ли мама не научила, что нам все можно?

– А у меня нет мамы, – с вызовом бросил мальчик, – я сам по себе.

– Детдомовец что ли? – Нахмурился Андрей.

– Да к черту этот детдом! – Денис махнул рукой, – надоело там. Думаю, вот, сбежать на волю.

– Далеко побежишь? – Хмыкнул Казанцев.

– Жизнь покажет, – он задумчиво почесал затылок.

– Смотри, не добегайся, – предупредил его Андрей и потрепал по голове, двинувшись вперед.

– Эй, Андрей! – Окликнул его Денис, когда мужчина дошел до лестницы.

– Чего тебе? – Оглянулся Казанцев.

– Больше не ходи с закрытыми глазами!

8.

Она постучала ладонью о ладонь, избавляясь от остатков мела.

– Я не справлюсь... – шепнула она и сняла очки, – да простит меня Господь, не справлюсь... Боже...

Женщина положила белый кружок в рот, запила водой и замерла в ожидании момента, когда сердце перестанет выпрыгивать из груди, а боль в висках отступит.

– Мне сказать нашим, что консультации не будет? – Тихо спросила школьница, – Елена Николаевна?

– Боюсь, что я не смогу сегодня, – покачала головой учительница, вытирая намокшие глаза, – как подумаю про ваш 11 «Б», так сразу вспоминаю Костю.

Елена Николаевна устало оглядела пустой класс, и взгляд невольно остановился на четвертой парте первого ряда.

Со стороны двери раздался короткий стук, и школьница воспользовалась моментом, чтобы выйти из кабинета, пропустив внутрь гостя.

– Здравсьте, Татьяна Михална. – бросила девушка и поспешила исчезнуть в школьном коридоре.

– Меньше помады, Маша! – Крикнула ей вслед завуч, – в школу как на дискотеку... дорогая моя, вы плачете?

– Все в порядке... – соврала учительница, выдавив из себя слабую улыбку, – что-то случилось?

– Никто не умер, слава Богу, – обронила, не подумав, Татьяна Михайловна, и тут же покраснела.

Елена Николаевна всхлипнула, и женщина неловко двинулась к ее столу, чтобы попытаться приобнять хрупкую учительницу.

– Я в порядке, в порядке... – отмахнулась она, вежливо отстранив от себя завуча.

– Пойдемте-ка в учительскую, я напою вас чаем, – предложила Татьяна Михайловна, – там как раз сидит журналистка из городской газеты, хочет побеседовать с учителями, работавших с Вороновым. Денис ведь любил литературу, если я не ошибаюсь?

– Костя, – поправила ее Елена Николаевна, перебирая пальцами складки на своей вязаной кофте.

– Конечно, Костя... – пробормотала женщина, помогая ей подняться с места. Они молча вышли в шумный коридор, пытаясь маневрировать между бегающими и кричащими детьми.

– Досадное происшествие, конечно... вы не представляете, сколько мороки сейчас начнется – будут проверки, заставят кучу бумажек заполнять, всех старшеклассников прогонят через психолога – Оксана Валерьевна застрелится от сверхурочных работ! Так, Долгих, положи мяч немедленно! А она и так за копейки работает, как и мы все... положи, а не брось, я сказала! Мать пусть ко мне зайдет завтра! Пятый «А», все в класс, сейчас же! Как зарплаты божеские платить – это нет, а как всех собак за подростковый суицид спустить на нас – это мы пожалуйста! А я его толкала? Или может вы его заставили с крыши прыгнуть? Ну, выходила у него тройка по моему предмету за год, так а я при чем? Сиди себе над учебником, а не по крышам пастай! А все что скажут? Школа виновата – школа не доглядела. Так у меня не тысяча глаз, знаете ли!

– Ребенок умер, – укоряюще шепнула ей Елена Николаевна.

– И что мне – пойти утопиться? – Хмыкнула Татьяна Михайловна, цокая каблуками своих туфель по покрашенным доскам школьного пола, – как что скажете, ей Богу, так хоть иди, вешайся. Маша, я что про помаду сказала?

– Ну Татьяна Михална!

– Чтоб на физике без нее сидела! – Завуч раздраженно открыла дверь учительской, пропуская учительницу вперед.

При их появлении с дивана вскочила девушка, сжимая в руке блокнот. Елена Николаевна скользнула взглядом по ее открытым стройным ножкам и тут же поборолла в себе чувство подступившей зависти. В голове всплыли хихикающие однокурсницы, заигрывающие с накаченными курсантами местной военной академии, вялые приставаания которых она благородно отвергала в ожидании своего единственного. Как оказалось – зря.

– Олеся, – представилась девушка и коротко кивнула учительнице.

– А это наша Елена Николаевна, – представила ее Татьяна Михайловна без особого энтузиазма, – что сказать – образцово-показательный педагог, все о детях и для детей. Сердце, так сказать, и то – отдала. Нашим оно в принципе без особой надобности, контингент, конечно... не золотые дети, не будущее России. Но и не вечерняя школа, знаете ли! Мы, как я говорила, свое дело делаем – все по методичке, все по учебным пособиям, по рекомендациям.

– Я помню, – вежливо перебила ее журналистка и невзначай бросила взгляд на настенные часы с гербом школы.

– Оставлю вас, – Татьяна Михайловна обиженно оглядела их и, помедлив, вышла из кабинета одновременно с громким трезвонном, объявившим конец перемены. Все звуки мгновенно стихли, и в наступившей тишине стало слышно, как своими каблуками цокает Татьяна Михайловна по направлению к кабинету физики.

– Так вы преподаете... – начала разговор Олеся.

– Русский язык, – Елена Николаевна неуклюже села в неудобное кресло, – и литературу.

– Моя бабушка тоже была учителем, – улыбнулась журналистка, – преподавала старославянский язык.

– Правда? – Учительница подалась вперед и перевела взгляд на туфли собеседницы, – если не для записи...

– Конечно, – кивнула Олеся, – между нами, девочками.

– Моя первая... – женщина смущенно покраснела, – первая серьезная влюбленность – преподаватель старославянского языка. Он был единственным, кто понимал меня в институте, я даже писала ему письма, какое-то время. Ой, наверно, не нужно было рассказывать, я все-таки учительница.

– Бросьте, мы же почти ровесницы, – махнула рукой девушка, – о чем вы писали?

– Да так, всякие глупости... – вздохнула Елена Николаевна, – писала о своей жизни, о том, что думаю о профессии. Делилась впечатлениями от нобелевской премии по литературе, даже... даже цитировала «Евгения Онегина», представляете, как глупо?

– Все нет, – покачала головой Олеся, – Он что-нибудь отвечал вам?

– Нет, – женщина задумчиво перебирала складки на своей невзрачной кофте.

– Честно говоря, один раз он ответил. Попросил больше не писать. Такая вот незанимательная история с невеселым финалом.

– Мне понравилось, – пожала плечами журналистка, – Костя любил ваши истории?

Стрелки часов методично отстукивали секунды, эхом разлетаясь в голове Елены Николаевны, и она рассеянно посмотрела на крыши высоток, маячивших за окном.

– Вы знаете, я всю жизнь считала, что занимаюсь богоугодным делом – вкладываю в головы детей знания об орфоэпии и романтизме, рассказываю важные вещи. Костя Воронов был одним из немногих, кому действительно было это нужно. Мои истории, как вы сказали. Ему все это было небезразлично: что думают эти люди в «Грозе», что чувствуют герои «Гранатового браслета». В нем было что-то такое, от героев этих книг... что-то благородное и возвышенное, чего нет у его сверстников. И я спрашиваю себя, как такой мальчик мог так поступить, и могла ли я заметить...

Олеся молча протянула ей бумажный платок и отвела взгляд от ее покрасневших глаз.

– Знаете, как бывает, когда ребенка недолюбливают – часто не стесняются и при учителе его задеть, – продолжила Елена Николаевна дрожащим голосом, – но такого с Костей я никогда не замечала – он был спокойным мальчиком, ни с кем не конфликтовал, не дрался. Но и друзей у него было немного, кажется, он хорошо общался с мальчиком из параллельного класса, никак не вспомню фамилии...

– Вы можете вспомнить ее, Елена Николаевна? – нахмурилась Олеся, – я бы хотела поговорить с ним, если это возможно.

Часы напряженно тикали, и учительница почувствовала, что ей не хватает свежего воздуха. Голова потяжелела, и Елена Николаевна рассеянно посмотрела на свои сухие руки.

– Я не могу... – прошептала она, – видит Бог, я не могу.

– Давайте, я оставлю вам свой номер, – откуда-то издалека предложила Олеся, – если вы вспомните фамилию его друга или узнаете еще что-нибудь, то позвоните мне, хорошо? Вы можете мне очень помочь в этом деле.

Елена Николаевна послушно закивала головой, не отрывая взгляда от крыш домов и медленно теряя рассудок от несмолкаемого тиканья часовых стрелок.

9.

Равнодушное солнце било в глаза Андрея, из-за чего все выглядело неестественно размытым и ярким. Позолоченное кадило, которым размахивал священник, мелькало взад-вперед перед нечеткими лицами собравшихся людей, тесным кругом обступивших могилу с простеньким деревянным крестом.

– Сегодня мы прощаемся с Денисом, сыном рабы Евгении и раба Андрея, – неожиданно для всех объявил священник, и Казанцев заметил несколько взволнованных перешептываний в толпе. Он сделал шаг вперед, и все наконец-то обрело резкость. Он увидел коллег с работы, среди которых стояли Чадский и заплаканная Надежда Анатольевна, увидел своего отца, стоявшего чуть поодаль, и Женю в одежде священника, державшую в руке кадило. Андрей опустил глаза на деревянный крест с прибитым к нему снимком УЗИ.

– Я должен что-то сказать? – Испуганно пробормотал он, оглядывая молчаливую толпу, – не знаю, с чего начать... мой сын был бы...

Надежда Анатольевна всхлипнула, и Чадский ободряюще похлопал ее по плечу. Женя-священник укоряюще посмотрела на него, и Казанцеву захотелось немедленно провалиться под землю.

– Он был бы... – мужчина поднял глаза, встретившись с непроницаемым лицом Жени, – он был бы самым лучшим ребенком на свете.

– Херня это все! – Выкрикнул его отец, не поворачивая головы, – скажи нам, кто виноват в его смерти!

– Скажи! – Сквозь слезы прокричала Надежда Анатольевна.

Казанцев побледнел и сделал шаг назад дрожащими ногами.

– Скажи, Андрей, – прошептала Женя, – Андрей. Андрей!

Кто-то тронул его за руку, и Казанцев дернулся.

– Андрей, – повторила Женя шепотом, – хватит трястись.

Казанцев перевел взгляд на деревянный крест с черно-белой фотографией Кости Воронова в центре, и понял, что на нем намочка одежда. Мужчина поискал в толпе Надежду Анатольевну и коллег с работы, но встретил незнакомые лица школьников и еще нескольких взрослых, среди которых он заметил родителей Кости. Священник закончил молитву и гнетущим взглядом оглядел собравшихся людей, задержав испытующий взгляд на Андрее. Мужчина пожегился и с трудом подавил рвотный позыв.

– Чертово солнце, – прошипела Анна Владленовна, переминаясь с ноги на ногу, – все глаза проест, ей-Богу.

– У нас все-таки траур, – буркнул в ответ Алексей Петрович, опустив глаза, – могло бы и не светить так ярко.

– Папа не пришел, – перебила его женщина, поджигая зажигалкой сигарету, вставленную в рот.

– И слава Богу, – отозвался ее муж, нервно потирая свои поношенные брюки.

– Выражения выбирай! – Анна Владленовна воинственно посмотрела на тех, кто бросил на нее неодобрительные взгляды, и те тут же опустили глаза в землю, – он на поминки пойдет.

Алексей Петрович устало кивнул в ответ и вздрогнул, встретившись взглядом со священником.

– И скажи-ка мне, мачо, о чем ты там со Светкой на парковке шушукался, а?

– Андрей, – шепотом позвала Женя, заметив застывшее выражение на лице своего жениха, – Андрей. Андрей!

Мужчина несколько раз дернулся, и девушка увидела, как трясутся кончики его пальцев.

– Андрей, – она потрогала его за правую руку, – хватит трястись.

Мужчина озадаченно посмотрел на нее, и Женя тут же отвернулась. Ее взгляд упал на ряд маленьких крестов, торчавших из земли не больше, чем на полметра. Она вытерла слезы тыльной стороной ладони и повернулась на мать Кости, которая что-то громко выкрикнула. Явно заскучавшая женщина сбрасывала пепел с сигареты на землю рядом с могилой своего сына, и Женя бросила на нее неодобрительный взгляд. Анна Владленовна нахмурила брови, и девушка поспешно опустила глаза в землю.

– Не хватает смелости подойти ближе?

Сергей Кузнецов вздрогнул от звука незнакомого женского голоса и вышел из-за своего импровизированного укрытия.

– Городская газета, – представилась Олеся, поправляя складки помятого пальто.

– Не интересуется, – парень отвернулся и спрятался за высокими массивными надгробиями богатых горожан. Двое из них, как он знал – криминальные авторитеты – заказали себе при жизни надгробия из синего гранита, а третий – поэт местного масштаба – ограничился обычным серым гранитным монументом со статуей самого себя наверху и цитатой Пушкина, выполненной в позолоте.

– Интересно, что сейчас все они лежат в одной земле рядом с подростком из бедной семьи, – продолжила Олеся, словно прочитав его мысли.

– Это сарказм жизни, – пожал плечами он.

– Ирония, – поправила его журналистка.

– Пусть будет ирония, – пробубнил Кузнецов.

– Стойте здесь, спрятавшись за спинами призраков нашего прошлого, и трясетесь, как маленькая девочка, – с презрением бросила Олеся, разворачиваясь, – это не сарказм, и не ирония. Это трусость.

– Я не трус, ясно! – возмутился парень, сделав шаг к ней.

– Правда? – Олеся остановилась, – тогда почему вы так боитесь?

– Я его не убивал, – устало ответил Кузнецов, вздыхая, – Это вы хотели услышать?

– Я хотела услышать правду, – девушка медленно пошла вперед, загибая пальцы.

– Это правда! – воскликнул он на третьем загнутом пальце.

Олеся переступила с рыхлой земли на твердый асфальт и повернулась по направлению к месту похорон.

– Стойте! – измученным голосом остановил ее парень на десятом пальце.

Журналистка остановилась и повернулась к нему.

– Я отвечу на ваши вопросы, идет? – Спросил он, скривив лицо.

– И что же заставило вас передумать? – С фальшивым удивлением посмотрела на него Олеся.

– Просто... – Кузнецов пожал плечами, – не хочу проблем. Мне...мне нечего скрывать, вот и все. Я готов честно объявить публике...

– Вы прячетесь здесь, пока публика хоронит погибшего ребенка, – перебила его журналистка, указав пальцем на его недавнее укрытие, – я могла бы назвать вас противоречивым или лицемером, как вам больше нравится.

– Так вам нужна моя история или как? – Нахмурился парень.

– Оставьте исповедь священнику, – с вызовом бросила Олеся, – я увидела больше, чем скажут мне ваши пустые слова. Красивый молодой парень, которому бы девочкам в трусики залезать, пришел на похороны незнакомого парня. Зачем?!

– Да вы ничего не знаете обо мне! – Выплеснул из себя вскипевший Кузнецов, – вы когда-нибудь видели труп? Вы знаете, что такое осознавать, что ты мог спасти человека и не спас?! Вы знаете, что такое чувство вины? А я знаю!

– Поверьте, это не делает вас особенным, – покачала головой девушка, – я вот знаю, что сделало бы. Если бы вы спасли его.

– Да как вы смеете...

– Не вестись на ваши пафосные речи? – Хмыкнула Олеся, – вас поэтому не задержали?

Ее слова эхом разлетелись среди надгробий, и стая ворон поднялась в воздух, громко хлопая черными крыльями. Журналистка бросила на него испытующий взгляд и, развернувшись, пошла вперед.

–Ничего ты не знаешь, – пробормотал Кузнецов, наблюдая за тем, как девушка исчезает среди могил.

Вдалеке с громким карканьем взлетела стая черных ворон, и с шумом пронеслась над тянущейся процессией людей, шедших от могилы Кости Воронова до автомобильной парковки. Женя посмотрела, как за поворотом скрылась модная прическа Анны Владленовны и семенящая походка Алексея Петровича, а затем перевела взгляд на священника, одиноко стоявшего у могилы. Мужчина склонил голову, и его губы шевелились в такт беззвучной молитвы. Женя обернулась на Андрея, замершего неподалеку, и неуверенно подошла к старику.

– Спрашивайте, – нарушил молчание священник, заметив ее.

– Как вы...

– Меня все время о чем-то спрашивают после похорон, – старик пожал плечами, всколыхнув темную рясу, – люди хотят знать, как жить дальше, и это нормально.

– А они спрашивают вас зачем? – Спросила Женя, понизив голос, – когда умирает взрослый, можно сказать, что так было нужно, он мог нагрешить, или это была его судьба, и свою миссию он выполнил, так? Но зачем умирают дети?

– Я... – он запустил руки в длинную бороду и задумчиво посмотрел на нее, – пути...Его пути неисповедимы.

– Вы не знаете... – разочарованно покачала головой Женя, опустив глаза.

– Я хотел бы знать, – кивнул священник, – думаете, я не задавал себе этого вопроса? Что я не сомневался в том, что все происходит зачем-то? Что нас не оставили здесь одних? Не думал о том, с какой целью умирают дети?

– Но вы продолжаете верить, – удивилась девушка, – после всего, что видели?

– А вы продолжаете жить, – он мягко опустил руку на ее плечо, – после того, что пережили.

Дождевая капля упала на ее лицо, смешавшись со слезой, бежавшей по щеке.

– Церковь говорит, что мы должны прощать... – Женя украдкой бросила взгляд на Андрея, смотревшего на небо, – вы смогли бы простить человека, убившего ребенка?

– Вы хотите услышать мое мнение или...

– Ваше.

– Нет, – священник посмотрел на свежую могилу Кости Воронова, – я бы не смог. Но вы можете быть сильнее.

Мужчина замолчал, увидев, как девушка уходит прочь, то и дело прикладывая ладони к лицу.

– Сейчас дождь пойдет, – вздохнул могильщик, подойдя ближе, – надо успеть покурить, пока не полил. Огоньку не найдется?

Казанцев отрицательно покачал головой, отрывая взгляд от толпы расходящихся людей.

– Ну и черт с ним, – сплюнул мужчина, – Надеюсь, не ливень, а то ведь на следующих похоронах все в могилу скатятся вместе с гробом, зуб даю.

Андрей нахмурился и повернулся к Жене, о чем-то говорившей со священником.

– Да ты, мужик, не обижайся, это у нас юмор такой, черный, – виновато развел руками могильщик, – целый день семья за семьей ревет, так ведь и с ума сойти недолго, сам понимаешь.

Он кивнул и посмотрел на небо, с которого упало несколько дождевых капель.

– Вроде как девяностые лет пять назад кончились, а снова парней повезли, – продолжил мужчина, снимая с себя грязные перчатки, – раньше с огнестрелами все, как один, ну, и с ножевыми кто, бывало. А сейчас пошли все... один под машину, другой с крыши, третий на веревке, четвертый, вон, под поезд... я своей говорю, чего ж им все нейдет? Вот ведь десять лет назад боролись за жизнь, горло друг другу грызли, но лишь бы выкарабкаться. А сейчас пошли все... моя на это сказала, чтобы я пил меньше, но это она всегда так говорит. Я ей сказал, вон, шла б за Серегу, он вон школу окончил, не то, что я... мужик! Ты куда? Я не то сказал что-то? Эх, чтоб тебя! Одни покойники только и слушают...

– Секунду назад было солнце, а уже дождь... – заметила Елена Николаевна, неуклюже забираясь по грязным ступенькам школьного автобуса, – ребята, все на месте? Посмотрите на соседей.

– Все здесь!

– Вроде все.

– Да, все.

– Настя здесь?

– Я тут!

– Воронова нету, – в разных уголках салона раздалось несколько тихих смешков.

– Нельзя так шутить!

– Да кто бы говорил!

– Нашлась здесь!

– Ребята, хватит!

– Мы же только на похоронах были, что вы устроили?!

– Проявите уважение!

– Вы придурки настоящие!

– А ты заткнись вообще!

– Да сколько можно?

– Сам заткнись!

– Все на месте, – растерянно кивнула Елена Николаевна и махнула рукой водителю. Автобус тронулся с места, и учительница упала в одно из первых сидений, задев локтем сидевшую рядом девушку.

– Машенька, простите! – Испуганно дернулась учительница.

– Все нормально, Елена Николаевна, – кивнула девушка, сжав губы.

– Маша, я тебя хотела спросить... – женщина осмотрелась вокруг, чтобы убедиться, что никто не услышит ее вопроса, – это насчет Кости...

Елена Николаевна бросила взгляд на кладбище, от которого медленно отъезжал школьный автобус, выезжая на трассу.

– Ой, не оборачивайтесь! – Воскликнула Маша, – мне мама сказала, что это плохая примета!

– Ничего страшного... – дрожащим голосом ответила учительница, поправляя выбившуюся прядь волос, – я тебя вот что хотела спросить... ты не помнишь, как зовут мальчика из другого класса, с которым наш Костя дружил?

– Миша? – Переспросила девушка, – Миша Карасев?

– Точно, Миша! – Елена Николаевна раздосадовано хлопнула себя по лбу, – все забывать стала...

– Так возраст, Елена Николаевна, – заботливо покачала головой Маша.

– Возраст... – повторила женщина, наблюдая за каплями дождя, с ожесточением бьющими в хрупкое лобовое стекло.

10.

Знакомый запах из кухни ударил ей в лицо, едва она переступила порог. Кто-то невидимый заботливо положил ей на плечи несколько тонн железа, которых она не видела, но ощущала.

– Прилетела наша бабочка! – Воскликнула ее мать, вытирая мокрые руки о потасканный фартук, – залетела на огонек!

Олеся покосилась на нее и устало скинула с плеч пальто, еще сильнее почувствовав вес, давивший на них.

– Что, пропела лето красное, попрыгунья-стрекоза? – Продолжила женщина, закрывая своим массивным телом проход в кухню. – Ты время видела?!

– У меня были дела, – Олеся с раздражением сняла сапог с левой ноги.

– Какие такие дела, м? – Лидия Михайловна всплеснула руками, – по лужам прыгала, что ли? Ноги, вон, все в воде!

– Там было грязно, – девушка сжала пальцы на высвобожденной правой ноге и осторожно поставила ее на теплый пол.

– Грязные дела, я поняла, – кивнула ее мать, скрываясь на кухне, – иди ужинать, нахлебница!

– Я скоро съеду! – Крикнула Олеся, на секунду замерев перед своим раскрасневшимся отражением в зеркале, висевшим рядом со стойкой для обуви.

– Рассказывай больше, – хмыкнула она, гремя тарелками, – руки помыть не забудь, сказочница!

Ответ застрял в ее горле, и Олеся молча зашла в тесную ванную комнату. Она открыла кран с холодной водой и пристально посмотрела на воду, исчезающую в сточной трубе. Выждав несколько секунд, она закрыла кран, и вышла.

– Куда ходила-то? – Мягче спросила Лидия Михайловна, ставя перед ней тарелку с борщом, в самом центре которой медленно таяла горка сметаны.

– На кладбище, – Олеся без энтузиазма взяла ложку в руки.

– И чего это ты туда ходить удумала, м? – Женщина кинула на стол тарелку с нарезанным хлебом и, не выдержав столкновения, кусочек бородинского покатился по скатерти, весело подпрыгивая.

– Я же вчера говорила, – вздохнула девушка, – я веду журналистское расследование.

– Вчера не поверила и сегодня не поверю, – отрицательно потрясла вторым подбородком ее мать и тяжело опустилась напротив, – чего-ж у них других нет, поспособнее? Или ты ножки перед кем надо раздвинула, а?

– А тебе то что с того? – Пожала плечами девушка, опустив глаза.

– И правда, мать, какое твое собачье дело? – Передразнила ее Лидия Михайловна, – ты только мужика нормального выбери, уж на третий-то раз. Я ж еще одного такого позора не выдержу, ты знаешь.

– Выдержишь, – огрызнулась Олеся, бросив ложку на стол.

– А ты, давай, матери не хамай! – Фыркнула женщина, складывая руки на груди, – ешь давай, борщик, вон, наваристый получился. Сама бы съела, если бы не диета эта чертова, сами бы посидели на ней, убийцы в белых халатах, чтоб их! Понапокупали дипломы эти Пилюлькины сраные, сидят теперь, самые важные, по записи к ним ходи, ага, как же. Разбежалась, бегу и падаю! А ты чего смотришь, ешь давай! За моим борщом когда-то весь курс бегал, ей Богу.

– Отец тоже? – Спросила девушка, не поднимая глаз от растворившейся сметаны.

– Вот не начинай, а! – Табуретка скрипнула под ее весом, – нет у тебя никакого отца, и не было никогда.

– А я его помню, – слабо возразила она, – помню его руки.

– Направление тебе в психушку выписать? – Гоготнула Лидия Михайловна, хлопнув ладонью по столу, – не было никаких рук у него, у папаши твоего сраного! Потому что он нас бросил, когда ты еще писалась каждые пять минут как кран сломанный!

– Тебя, – поправила ее Олеся, – он бросил тебя.

– Меня? – Мать удивленно уставилась на нее, на мгновение потеряв дар речи, – совсем что ли сдурела? То есть я виноватая теперь? Может, он и ушел из-за того, что ты по ночам горланила, как резаная? У всех ребенок ребенком, а я как поросенка выращивала на убой! Сколько я твоих истерик вытерпела, чтоб сейчас это про себя выслушивать, а?! Вот как знал папашка твой, что вырастешь такой дрянью, так и сбежал, пока не поздно! Да знаешь что – хер с тобой! Благодарности от тебя не дождешься, лучше б не рожала!

– ТАК УБЕЙ МЕНЯ! – Олеся вскочила из-за стола, и табуретка с грохотом ударилась об пол, – УБЕЙ!

– Ты совсем сдурела? – Лидия Михайловна испуганно уставилась на нее, схватившись рукой за сердце, – ТЫ СОВСЕМ СДУРЕЛА?!

Олеся забилась в беззвучной истерике и медленно опустилась на пол.

– Господи, истеричка ты моя... – женщина осторожно положила руку ей на плечо, – пореви, пореви, глядишь – полегчает. Может, тебе водочки налить? Там вон борщик стынет, а?

Тонны железа надавили сильнее, легкие отчаянно затребовали больше воздуха, а в пальцах закололо так же, как когда ей было пятнадцать, и она хотела убежать из дома так далеко, чтобы ее никто никогда не нашел. Вот она бежит от разъяренной матери и запирается в своей комнате:

– Открой дверь! – Властно кричит Лидия Михайловна, добавляя к возгласу несколько тяжелых ударов в дверь.

Олеся не отвечает и стоит в одной короткой футболке и больших поношенных белых трусах посередине комнаты, не зная, что ей делать. Она чувствует острую тянущую боль внизу живота и с ужасом смотрит на расплывающееся кровавое пятно. Ей становится страшно, у нее еще никогда этого не было, но она заставляет себя бежать к шкафу и трясущимися руками достать большой походный рюкзак, кажущийся ей невероятно тяжелым, хоть он и пуст. Мать что-то невнятно кричит за дверью, а Олеся вытаскивает одежду из бельевых ящиков, пытаясь не обращать внимание на то, что происходит с ее телом.

– Дрянь малолетняя! – Кричит разъяренная женщина из-за двери, – открывай сейчас же!

Девушка начинает плакать, но продолжает бросать вещи в рюкзак. Она кидает туда паспорт и всю мелочь, которую успела найти в выдвижном ящике своего письменного стола. Олеся хватается за рюкзак, забыв про то, что на ней нет штанов, а белые трусы стали красными, и резким движением руки открывает дверь. Когда она пытается выбежать, Лидия Михайловна цепким движением руки хватается её за волосы и со всей силы бьет головой о дверной косяк.

– Дрянь! – Кричит она, крепко хватается дочь за шкуру и тащит ее обратно в комнату.

Голова кружится, и девушка что-то бессвязно кричит, пытаясь вырваться. Мать бросает ее на кровать, и в ту же секунду Олеся ударяется головой об стену.

– Ты у меня получишь, шаболда малолетняя! – Визжит Лидия Михайловна, откуда-то вытаскивая старый ремень для наказаний с тяжелой металлической бляшкой посередине.

Девушка приходит в себя от первого удара и умоляет свою мать прекратить.

– Ты у меня эти дурости бросишь! – Ремень со свистом рассекает воздух.

Все взрывается тысячами искр боли, и Олеся кричит снова.

– Решила, что все можно?! – Откуда-то издали прогрехотал голос матери.

Девушка делает последнюю попытку вырваться, но теряет сознание от третьего удара. Она проваливается вниз и летит в черную пустоту, отдавшись тянущей боли внизу живота. Где-то в другом мире ее мать крутит цифры на диске домашнего телефона.

– Марина Николаевна, это мама Олеси, – с жеманной интонацией щебечет женщина, – звоню, чтобы сказать спасибо за вашу бдительность. Теперь она даже близко к сигаретам не подойдет. Что? Что вы говорите? Не она? Ах, одноклассница? Что ж, лишним не будет.

Она продолжает падать, пока не видит перед собой очертания земли. Удар.

– Добавки положить? – Заботливо поинтересовалась Лидия Михайловна.

Олеся очнулась перед пустой тарелкой, в которой не так давно растворялась сметана, а сейчас одиноко лежала грязная ложка. Девушка рассеянно посмотрела на мать и безразлично пожала плечами.

11.

Женщина мельком взглянула на дешевые наручные часы и возле сваленного дерева ускорила шаг, прокручивая в голове фразы, которые она скажет своей подруге. Сначала она решила, что будет уместным купить для нее открытку, но ни в одном магазине Северного микрорайона не нашлось ни одной поздравительной карточки, подходящей для такого случая. Тогда ей пришлось заплатить пятьдесят рублей за полчаса пользования интернетом в компьютерном клубе и отыскать там несколько неплохих, на ее взгляд, стихотворений. Потный толстяк в очках вынудил ее заплатить ему десять рублей (как будто они из нее все деньги хотели вытрясти, до копейки) за печать черно-белого изображения. Пятнадцать минут она ждала рейсовый автобус, опаздывающий из-за чертовой аварии где-то на перекрестке улиц Ленина и Metallургов, и вот она уже опаздывает на сорок минут. Цифра с болью отдалась в ее голове лишним напоминанием о возрасте, и от волнения Света Дягилева по привычке схватила рукой за свои жидкие каштановые волосы. Она нерешительно замерла у входной двери, подумав, что когда-нибудь она почувствует тяжесть обручального кольца на безымянном пальце, что сейчас касался ее головы.

– Светка, мы тебя уже заждались! – Анна Владленовна рывком распахнула дверь и вместо приветствия затолкнула подругу в квартиру. На ней была безвкусная бордовая блузка, поверх которой женщина навешала дешевые бусы разных цветов, отчего стала походить на цыганку.

– Аня, не успела тебе сказать во время похорон, что я так сочувствую! – начала Света, но ее подруга нетерпеливо махнула рукой.

Алексей Петрович робко выглянул из-за двери в гостиную и, слабо улыбнувшись, едва заметно махнул ей рукой.

– Ты чего там своими лапами размахался? – Грозно спросила Анна Владленовна, – шел бы лучше на кухню, водку из морозилки достал, пингвин.

Света сняла свое черное пальто и осторожно повесила его на пластиковые плечики, заботливо валявшиеся на полу в ожидании гостей.

– Анна! – Прокаркал из кухни старик, – это что за херня тут на столе? Где бутерброды нормальные?!

– Зачем так грубо? – Пискнул Алексей Петрович откуда-то из коридора.

– Отец сегодня не в духе, – покачала головой Анна Владленовна и зашла в гостиную, – а у нас, между прочим, будет настоящая польская закуска! Я, значит, на той неделе видела по телевизору, что поляки делают какие-то маленькие бутербродики и запивают все это охлажденной водкой!

– Типа канапе? – Уточнила Света, приоткрыв рот. Она вошла следом за подругой и пробежала глазами по фотографии Кости, одиноко стоявшей в центре стола. Женщина подумала, что если бы не черная лента в углу снимка, то могло бы показаться, что они собрались на его день рождения.

– Да черт его знает кто! – Рассмеялась Анна Владленовна, – давай, скорее мой руки, сейчас будем за стол садиться. Говорю же – тебя одну ждали.

– Больше никого не будет? – Подняла накрашенные брови женщина.

– А кого звать? – Пожала плечами она, – Лешкина мать из своей...

На кухне кто-то прогремел тарелками.

– ...не поедет, прости за мой французский, – закончила Анна Владленовна, – патлатые дружки Костика мне здесь не сдались, знаешь ли. А эту барышню, которая пару раз у нашего подъезда терлась, я и на сто метров близко не подпущу! А кого еще звать? Вон дядька его, брат Лешкин, хоть раз бы нам на Новый год открытку отправил! Я его как дура первые пять лет поздравляла, а он хоть бы что! Спрашивается, на открытку разориться жалко? Деньги бережем

на звонок телефонный? Нет, я вот ни за кем бегать не собираюсь, я себя не на помойке нашла. Ну все, заболтала я тебя, иди, давай, руки мой, там курица стынет в духовке. Раскошелились сегодня, будь здоров.

– Может, тебе... нужна помощь? – Заботливо спросила Света, – я имею в виду, финансовая...

– Господь с тобой! – Отмахнулась она, – вон, Лешка на двух работах шарашит, совсем плохо будет – так третью пусть берет. Я ему все время говорю – что ж ты увалень сидишь на печи – видишь же, денег в семье нет! Он мне ноется, что он и так на три пота исходит каждый день, но я-то знаю, чем он занимается.

– Чем? – Вздрогнув, спросила Света.

– Сидит свои судоки целыми днями решает, чем же еще, – хмыкнула Анна Владленовна, – ой, я, значит, вчера альбом с фотографиями смотрела, ну чтоб выбрать Костику на могилу, ну и нашла наши свадебные фото с Лешкой. Ой, какой он раньше был! За ним же все девочки бегали в школе, можешь поверить?

– Да и ты та еще красавица была! Какой-то, помню, конкурс выиграла, да? – натянуто улыбнулась она.

– Что значит «была»? – Нахмурилась женщина, – и сейчас еще ничего!

– Конечно, это я не так выразилась, – поправила себя Света, – у Леши же тогда еще бизнес был...

– Был да сплыл, – вздохнула Анна Владленовна, – как сейчас помню – ходил весь такой из себя важный, в отцовском пиджаке на три размера больше, все носился со своей автомастерской, каждую машинку целовал, с утра до ночи там пылинки сдувал. Мы ведь тогда даже подумали о том, чтобы и нам машину купить, можешь поверить? А потом пришли эти чертовы...

Кто-то громко хлопнул дверью в туалет.

– ...и отжали у него мастерскую, – женщина помрачнела, – можешь себе представить, чтобы в Советском Союзе у тебя какие-то бандиты последнее отбирали? Я давно говорю – верните ГУЛАГ и смертную казнь, и будет у нас все снова хорошо.

– Пойду, руки помою... – неуверенно кивнула Света и вышла в коридор, где тут же столкнулась с испуганным Алексеем Петровичем, подслушивавшем их разговор.

– Света... – робко произнес он, затаскивая их в ванную комнату.

– Что за дурдом, Леша? – Шепотом возмутилась женщина, закрыв за ними дверь. – Я думала, что иду на поминки, а тут какие-то польские закуски! Я как дура в темном платье пришла, не накрасилась!

– Аня не в себе, прости ее, дорогая! – Он сжал ее руки и с волнением заглянул в глаза.

– Не сейчас, Леша! – Женщина испуганно открыла кран с водой, чтобы заглушить их голоса – она же увидит!

– А может мне все равно, пускай смотрит! – Шепотом закричал Алексей Петрович, качнувшись.

– Ты ее до припадка хочешь довести? – Возмутилась Света, отталкивая его, – у твоей жены сын умер, как ни как!

– Светлана, что за неуважение! – Пробормотал мужчина, хватая ее за руки, – это и мой сын тоже!

– Вы что здесь делаете?! – Анна Владленовна уронила тяжелый взгляд на их сцепленные руки, – вы совсем...

В дверь громко постучались.

– ...а? – Она раздраженно обернулась, – кого еще нелегкая принесла?

– Ну и что ты натворил? – Прошипела Света, когда Анна Владленовна отправилась открывать.

– Я, может, в трауре! – Напыщенно воскликнул Алексей Петрович и огляделся по сторонам в поисках рюмки водки.

Света вздохнула и поспешно вышла в коридор, где услышала незнакомые голоса.

– Проходите, раз пришли, – безрадостно бросила Анна Владленовна и прошла мимо своей подруги, не удостоив ее взглядом, – вот к нам уже милиция приехала, дожили! Где ж вы были, когда у кобеля моего бизнес отбирали?

– Ходили в школу, я полагаю, – хмуро ответил Казанцев, разуваясь.

– Это был риторический вопрос, – вполголоса поправила его Женя, вешая пальто на одну из вешалок, лежавших на полу.

– Почему у нас дома милиция?! – Оттолкнув Свету, в узкую прихожую протолкнулся Алексей Петрович, успевший найти стопку, – Почему вы здесь, я спрашиваю? Предъявите ордер, мать вашу!

– Там мусора, что ли?! – Прокричал с кухни старческий голос, – гоните нахер!

– Это уже статья... – раздраженно начал Казанцев, но осекся, увидев портрет Кости, стоявший посреди гостиной.

– Мы, кажется, не вовремя, – озвучила его мысли Женя.

– Вовремя только кошки рожают, – вздохнула Анна Владленовна, садясь на диван, – а я вас вспомнила, мисс Марпл! Что, нашли сыночка-то моего, а?

– Анна Владленовна, я полагаю, – кивнул Казанцев, заметив, как сошел румянец с щек его будущей супруги.

– Ну уж не царица Савская! – Жеманно воскликнула женщина и оглядела взглядом присутствующих, ожидая от кого-то из них комплимента за меткую фразу.

– Если вы не возражаете, я хотел бы задать вам пару вопросов, касательно вашего сына, – Андрей подошел к столу и, не дожидаясь приглашения, опустился на один из стульев.

– Только полы помыли, а вы тут ходите... – проворчал Алексей Петрович, увидев обувь на ногах Жени.

– А этот уже набрался, скотина, – пробормотала Анна Владленовна, провожая мужа гневным взглядом.

– Где у вас уборная? – С плохо скрываемым недовольством спросила Женя.

– Ой, а что, с нами не посидите? – Она состроила расстроенную гримасу, – или вы у нас с крестьянами одним воздухом не дышите, княжна?

– Прямо по коридору и налево, – подсказал услужливый Алексей Петрович и тут же отшатнулся в сторону, пропуская в коридор побледневшую девушку.

– Вы уж за своей дочерью белого эмигранта последите, а то мой муж тот еще мачо! – С противной усмешкой хмыкнула Анна Владленовна, засовывая сигарету в рот.

– Аня, не при гостях! – Нерешительно промямлил мужчина.

– Анечка, ты просто нервничаешь сегодня много, ты все не так поняла! – начала оправдываться Света.

Андрей неловко поерзал на стуле, пытаясь не встретиться взглядом с Анной Владленовной, замершей на диване, словно волчица в кустах.

– Дуру из меня не делай! – Женщина выпустила дым из своего рта, – думали, что я не замечу, голубки! Даже не постеснялись того, что у меня сын умер, мать вашу!

– ЭТО И МОЙ СЫН ТОЖЕ! – Алексей Петрович замахнулся руками, и дешевая стеклянная ваза, подаренная его тестем на десятую годовщину их свадьбы, упала на пол и вдребезги разбилась. Испуганный мужчина скакнул в сторону, запнулся об ковер и повалился на пол.

Портрет Кости покосился.

– Твой сын?! Чего ж не уследил то за ним, а?! Клоун! Вы поглядите на него, а! Да нужен ты мне такой! – Анна Владленовна вскочила с дивана, нервно стряхивая пепел с сигареты на ковер, – давай...

На кухне громко засвистел чайник.

– ... жить к своей шлюхе! – Топнула ногой женщина.

– Да как ты смеешь! – Не замедлила с ответом Света, – ты на себя посмотри – совсем из ума выжила, больная старуха! Думаешь, я не знаю, как ты мне завидуешь?!

– А чему завидовать-то? – Хохотнула Анна Владленовна, – морде твоей лошадиной? Или тому, что тебя никто замуж брать не хочет, а?

Казанцев присвистнул, но тут же опустил глаза в стол.

– Все, хватит! – Закричал Алексей Петрович, пытаясь подняться с пола, – ты коварная, алчная ба-ба! Я сваливаю, собираю вещи! Пакуйте чемоданы, седлайте мою лошадь!

Мужчина дернулся и завалился на один бок, упав у ног Светы, которая тут же отпрыгнула в сторону.

– Ба-ба! – Он замер, словно раздумывая над значением этого слова, – точно! Ты не достойна называться женщиной!

– Ты мне еще покричи, истеричка! – Анна Владленовна схватила подушку с дивана и со всей силы начала бить ей своего мужа, – импотент чертов! Все просрал! Мастерскую не удержал! Денег нет! Тряпка!

Портрет Кости упал на стол.

Женя услышала крики из гостиной, но не спешила возвращаться. По дороге в ванную она увидела неприметную дверь, спрятанную в дальнем конце коридора. Табличка «Не входите», вырезанная из подросткового журнала, подсказала ей, что это была комната Кости. Она сама не заметила, как оказалась внутри, но услышав очередное ругательство, донесшееся из гостиной, решила, что ее не будут искать. Женя посмотрела на деревянную кровать, стоявшую у стены, и тусклое окно за которым темнело мартовское небо. На потертом коричневом столе лежали разбросанные бумаги – распечатанные тесты для экзамена с аккуратными карандашными пометками. Она подошла поближе и взяла в руки учебник по химии за одиннадцатый класс. Девушка открыла первую страницу и едва заметно улыбнулась надписи: «Собственность Кости В.», стоявшей в самом углу. Женя представила Костю за этим столом, когда он читал этот учебник и решал задания, и волна невыносимой тоски накрыла ее с головой. Она с остервенением сложила бумаги в аккуратную стопку, чтобы попытаться успокоить свои нервы, и оглядела взглядом полупустую комнату. Легкая вибрация в кармане прервала ее размышления, и девушка достала маленький раскладной телефон, нажала на кнопку ответа и приложила его к уху.

– Вы обещали позвонить, – произнес голос на другом конце трубки, и комната наполнилась едва уловимым ароматом сладких персиков.

– Я... – Женя в растерянности запнулась, не зная, что ответить, – сейчас не могу.

– Разговаривать или...? – раздался осторожный голос Сергея Кузнецова в динамике ее телефона.

– Или. – Выдохнула девушка и сбросила звонок.

Она быстро засунула телефон в карман брюк и внимательно огляделась, пытаясь понять, что ее смущает в этой пустой комнате, в которой как будто никто не жил.

– Ванная не здесь, – прохрипел суровый голос позади нее.

Женя испуганно обернулась и уперлась взглядом в сморщенного старика, опиравшегося на кривую палку с железным набалдашником.

– Я просто...

– Ищите, что стащить? – Сузив глаза спросил он.

– Просто хотела посмотреть на то, где жил ваш внук, – договорила Женя, пытаясь выдержать тяжелый взгляд дедушки Кости, в чертах лица которого смутно угадывалось родство с Анной Владленовной.

– Это вам не сюда, – старик покачал головой, – Костик жил у меня, по большей части.

– Почему? – Девушка подняла брови домиком, и в ту же секунду крики из гостиной усилились.

– Спросите у него, – пожал плечами он и шагнул обратно в коридор.

– Женья! – Раздался голос Андрея из-за двери.

Девушка вышла из комнаты и прошла в прихожую, где на нее вывалилась Света Дягилева, едва не упав под ноги.

– Вы уж ее простите! – Простонала женщина, умоляюще посмотрев на Андрея, – она просто переживает!

– Пусть переживает молча, – раздраженно ответил Казанцев.

– Она не может! – Света растерянно развела руками, – она ведь женщина!

– Милиция! – Алексей Петрович с круглыми глазами выскочил следом и спрятался за плечом любовницы, – моя жена заперлась в спальне с бутылкой водки! Это ничем хорошим не кончится, помяните мое слово!

– Вызовите участкового, – посоветовала Женья, надевая пальто.

– Нет! – Мужчина яростно замотал головой, – может, вы мне пистолет для самозащиты, так сказать, оставите? Исключительно для самообороны!

– Что у вас, ножа дома нет? – недовольно бросил ему Казанцев, зашнуровывая туфли.

– Есть, – растерянно кивнул Алексей Петрович.

– Ну, так и пользуйтесь, – предложил Андрей, открывая входную дверь, – для самообороны, или что вам там надо.

Они вышли в подъезд и захлопнули за собой дверь. В нос ударил противный запах сырости, напомнивший Жене душевую детского дома. Они молча окунулись в бодрящий вечерний воздух, прошли мимо сваленного дерева до парковки и сели в служебный автомобиль. Запах сырой душевой усилился. Андрей больше не делал попыток заговорить с ней – она почувствовала, что это только придает ей уверенности. За окном мелькали вывески ночных магазинов с алкоголем, только начинавших прием своих постоянных покупателей, и на секунду ей показалось, что в одном из них она заметила Андрея, выходящего с полным пакетом бутылок с водкой. Вонь стала невыносимой, и Женья опустила стекло. Девушка не заметила, как они оказались в их квартире. Казалось, что запах сырости не отпустит ее, но Женья знала, что это ненадолго. Пока Андрей возился с чайником на кухне, она вошла в спальню и все тело напряглось в ожидании того, что будет дальше.

Синяя сумка стояла на том же месте, где она и оставила ее сегодня утром – осталось только проверить, на месте ли паспорт и деньги. Паркет тихо скрипнул, и Женья обернулась.

Казанцев настороженно замер в проходе, вопросительно посмотрев на нее.

Женья отвела взгляд и шагнула назад.

Андрей перевел взгляд на открытую спортивную сумку, лежавшую рядом с кроватью, и его руки полезли в карманы в поисках сигарет.

Девушка быстро наклонилась, коротким движением застегнула молнию и подняла свои вещи в воздух, крепко ухватившись за ручку. Она сделала несколько шагов вперед, не поднимая головы, и замерла перед ним.

Казанцев, помедлив, шагнул в сторону. Его щеки покрылись румянцем, а ноздри яростно вздулись.

Женья осторожно прошла мимо, боясь коснуться его руки. Сердце бешено стучало в груди, и на мгновение ей показалось, что ее голова сейчас взорвется от усилившегося давления.

– Когда ты стала такой эгоисткой? – Слова вылетели из его рта в царившей тишине.

– Когда ты убил моего сына, – сумка упала из ее рук, шлепнувшись на пол.

– Как ты смеешь... – руки сжались в кулаки, – КАК ТЫ СМЕЕШЬ ТАК ГОВОРИТЬ?!

– НЕ ПРИТВОРЯЙСЯ! – Голова взорвалась. – ТЫ ВСЕ ЗНАЕШЬ!

Он сделал шаг назад.

– Я видела, я все видела, я видела! – Слезы побежали из глаз, – я видела...видела твои анализы! Пока я лежала в больнице, я все видела!

Его руки задрожали.

– Превышено допустимое содержание алкоголя в крови... – в глазах зажегся огонь, – ты сел пьяным за руль. **ТЫ СЕЛ ПЬЯНЫМ ЗА РУЛЬ! ТЫ ПОСАДИЛ СВОЮ БЕРЕМЕННУЮ НЕВЕСТУ В МАШИНУ И СЕЛ ЗА РУЛЬ!**

– Мне...

– Там в лесу...я хотела сказать тебе, чтобы ты бросил меня там умирать! Потому что тогда я почувствовала, как он умер. **Я ПОЧУВСТВОВАЛА ЕГО СМЕРТЬ!** И ты даже не можешь представить себе, что это за чувство! Я лежала там и хотела умереть, потому что не представляла, как буду жить дальше, что я буду делать! Знаешь, что заставляет меня жить сейчас? Моя ненависть к тебе.

Сумка взлетела в воздух.

Хлопнула дверь.

Андрей закричал.

12.

Он задумчиво пошарил взглядом по полкам холодильника, пытаясь определить источник этого жуткого запаха. Сначала за виновника был принят кусок заплесневелого сыра, незамедлительно отправленный в мусорное ведро, но последующее обнюхивание холодильника показало ошибочность его суждений. Следующим на очереди стала непонятная субстанция, завернутая в полиэтиленовый пакет, которая тряслась в руках, пока он бережно выбрасывал ее. Бросив эту безуспешную затею, Сергей Кузнецов извлек на свет бутылку пива, открыл ее и тут же сделал пару больших глотков. Он прошлепал босыми ногами до своего любимого дивана и опустился перед телевизором, где уже началось основное действие фильма. Парень быстрым движением стянул с себя трусы и закусил губу, уставившись на двух целующихся девушек в форме американских полицейских.

– Давай же... – прошептал он, опустив правую руку вниз, – Ну!

Из головы никак не выходила сцена похорон, которую он настойчиво пытался прогнать, перемотав для этого фильм на середину.

– Черт возьми! – Выругался Кузнецов после нескольких неудачных попыток и выключил видео. Он натянул трусы и вытащил кассету из проигрывателя, сунув ее на захламленную полку. Парень взял с комода пачку сигарет и зажигалку, а затем вышел из квартиры, не позаботившись о том, чтобы ее запереть.

Прохладный мартовский воздух освежил голову, и Кузнецов медленно подошел к краю крыши.

– И чего же ты добился, Костя? – Пробормотал он, посмотрев вниз, – что же ты с нами сделал? Костя-Костя, теперь от тебя одни кости.

Кузнецов растерянно выпустил изо рта струю сигаретного дыма, который медленно растаял под тусклыми звездами, едва различимыми из-за смога, шедшего со стороны сталелитейного завода.

Он бросил сигарету на крышу и с силой наступил на тлеющий окурок, который с тихим шипением потух. Парень спустился вниз по лестнице и вздрогнул, услышав свое имя в подъездной тишине.

– Я звонила, но...

– Я не ответил, – кивнул Кузнецов, – кажется, ты была не готова.

– Больше нет.

Он осторожно улыбнулся и открыл перед ней дверь в свою квартиру.

13.

Красный пионерский галстук сдался под тяжестью воды и повержено растянулся на мокром полу. Звук включенного душа бил по слуху, перекрывая плавающие потоки боли и стучащие барабаны в голове. Во рту разливался солоноватый вкус крови, шедшей из прокушенной губы. Прошло уже несколько бесконечно долгих невыносимых минут после того, как все кончилось, но ему казалось, что он до сих пор чувствует прикосновение его липких потных рук. Хуже этого ощущения был только запах, исходивший от гнилых зубов, который душил его обоняние, каждый раз, как он приближал свой открытый рот к шее.

Мальчик рукой нащупал свои спущенные шорты и осторожно подтянул их наверх. Подняться со скользкого пола ванной комнаты стоило невероятных усилий – перед глазами все кружилось и ходило в разные стороны. Мелкая дрожь пробежала по всему телу, когда дверь скрипнула, предвещая его возможное возвращение. Он испуганно шагнул назад и по задней части ноги стекла тонкая струйка крови – красной, как размякший пионерский галстук, валявшийся на полу.

В проеме застыла высокая худая женщина с расплывшимся под глазом синяком.

Она испуганно посмотрела на него, и уголки ее рта дрогнули.

– Тебе больно? – Осторожно спросил мальчик.

Женщина отрицательно помотала головой, не сводя глаз со струйки крови, стекавшей по его ноге. Вода из душа барабанила по ванне.

– Саша... – прошептала его мать, сводя руки вместе.

– Он уснул? – Дрогнувшим голосом спросил ребенок.

– Саша... – повторила женщина, пытаясь приобнять себя за плечи.

– Мы можем убежать, пока он спит! – Тихо воскликнул Саша, умоляюще посмотрев на мать.

– Саша... – она растерянно посмотрела на работающий душ, – некуда бежать... он первый секретарь районного комитета, он... он мой муж, я не могу.

– Но... – мальчик растерянно сделал шаг назад, и боль тут же усилилась.

– Тебя увезут в кадетское училище, вечером, – затараторила мать, подбежав к нему, – ты должен уехать, Саша! Собери вещи, пока он не протрезвел, думаю, он не заметит твоего отсутствия какое-то время, а потом я что-нибудь придумаю...

– Ты должна уехать со мной! – Возразил он, округлив глаза, – ты не можешь здесь оставаться, он же убьет тебя!

– Ну что ты такое говоришь... – женщина взяла его за руки, – посмотри на меня. Ты должен уехать, слышишь? И ты ни за что на свете не вернешься сюда. Что бы ни произошло, хорошо? Больше не возвращайся сюда, пообещай мне.

– Обещаю, – соврал Саша.

– Хорошо, – кивнула она, – ты сильнее меня, ты со всем справишься. Тебе ведь завтра будет уже одиннадцать.

Последствия

14.

Андрей посмотрел в окно и сбросил челку с глаз. Отец нетерпеливо барабанил пальцами по столу, продолжая хранить молчание. Дверь открылась, и Тамара Викторовна, сухая как соломинка, медленно прошла в кабинет, не удостоив посетителей взглядом.

– Николай Степанович, спасибо, что пришли, – начала она, присев в свое кресло с высокой спинкой.

Его отец молча кивнул и на секунду перевел взгляд на сына, который засунул руки в карманы своей черной кофты.

– Должна сказать, что я бы не стала беспокоить вас, если бы не видела всю возможную плачевность этой ситуации, – начала Тамара Викторовна, поправив очки, – за последнюю четверть ваш сын прогулял почти пятьдесят восемь часов учебных занятий – это самый большой показатель из всех. Из всех параллелей.

Андрей Казанцев опустил глаза и надул губы.

– Мне-то и дело сообщают, что Андрюшу видят в плохих компаниях, что он задирает других ребят... мне даже говорили, что видели его с сигаретой. Я не хотела говорить о крайних мерах, но я вынуждена это сделать после вчерашнего инцидента. Не хочешь сказать, что ты сделал?

– Побил одного дебила, что с того? – Огрызнулся парень, спрятав глаза под челкой.

– Вы сами все слышали, – строго ответила учительница, – «побил одного дебила»! А это, между прочим, сын члена партии! Уважаемого человека!

– Это Васильева-то? – Хмыкнул Николай Казанцев, – не смешите меня. Фарцовщик, мелкая душонка. Как его из партии-то не выгнали до сих пор, я удивляюсь.

Андрей спрятал улыбку рукой, и отвернулся в окно.

– Послушайте, Николай Степанович...

– Послушайте вы, – перебил ее мужчина, – кажется, я вытащил вашего двоюродного брата из тюрьмы, или я что-то путаю?

– Я благодарна вам, но речь идет...

– Я хочу, чтобы мой сын окончил школу, – Николай Казанцев наклонился вперед, – и чтобы у него не было никаких проблем, вам ясно?

– Не думаю, что Андрюша скажет вам за это спасибо, – покраснев, ответила Тамара Викторовна, – После вашего развода он стал...

– Наш развод с его матерью вас не касается, – мужчина встал из-за стола, – больше не беспокойте меня по пустякам.

Он развернулся и пошел прочь. Андрей, немного помедлив, последовал следом, встретившись с недовольным взглядом своей учительницы. Парень догнал отца на школьном крыльце, где тот стоял, закулив самокрутку.

– Знаешь, в чем твоя проблема, сын? – Задумчиво спросил Николай Казанцев, не посмотрев на него, – ты сначала делаешь, а потом думаешь. Нельзя, чтобы ноги бежали быстрее головы, понимаешь?

– Он сказал, что вы разводитесь из-за меня, – обиженно ответил Андрей.

– А тебе не плевать на то, что он говорит, а? – Хмыкнул мужчина, – сказал бы ему, что он одевается как петух, или как вы там говорите.

– Тогда бы он меня ударил, – покачал головой парень.

– И тогда сегодня здесь был бы не я, а его мелочный папашка, – пожал плечами отец, – это называется тактика. Если ты не включаешь голову, не придумываешь тактику, то у твоих необдуманных действий появляются последствия. Знаешь, какие будут последствия у этой встречи с твоей мымрой-учительницей? Лично у тебя?

– Какие? – Хмуро спросил он, не поднимая глаз из-под челки.

– Пойдешь в органы, – мужчина кинул самокрутку на землю и топнул по ней ногой, – твоя мать согласна.

– Нет! – воскликнул Андрей, испуганно посмотрев на него, – я не хочу идти в органы! Мы же договаривались, что я пойду на...

– Это называется последствиями, – бросил Николай Казанцев и пошел вперед.

15.

На толстом компьютере заботливо висел ядовито-желтый стикер с надписью «Зайди. В.Л.». Олеся несколько секунд перебирала имена в своей голове, прежде чем ее взгляд упал на кабинет нового главного редактора. Девушка робко двинулась к нему, провожаемая косыми взглядами своих коллег.

– Вы меня звали? – Спросила она, постучавшись.

– Да, Жанна, заходите, – кивнул Виктор Леонидович и жестом указал ей на место напротив своего стола.

– По правде говоря, я занята статьей... – тихо ответила Олеся, присаживаясь на стул.

– Как раз о ней я и хотел поговорить, – широко улыбнулся мужчина, обнажив свои серые зубы, – я считаю, что вам не стоит тратить на нее так много времени. У нас есть так много важных событий в городе, о которых стоит рассказать...

– Я считаю, что это важная тема, – возразила Олеся, не поднимая взгляда.

– Что ж, вы можете заниматься ей в свободное время, идет? – предложил главный редактор, пожав плечами, – никуда этот Денис Воронов от вас не убежит, в конце концов. А вы займетесь действительно полезными вещами. По правде говоря, мне сегодня понадобится ваша помощь, как самой талантливой журналистки в нашей газете.

– Спасибо, но... – девушка покраснела, – я не совсем понимаю, о какой помощи...

– Ничего криминального, – ухмыльнулся Виктор Леонидович, – всего лишь интервью с одним важным человеком.

– С кем? – Нахмурила брови Олеся.

– Не могу сказать, – сжал губы он, – боюсь, что вы расскажете все вашим коллегам, а мне бы этого не хотелось. Скажем так, это небольшой сюрприз. Для наших читателей, разумеется.

– Да, конечно, – согласилась девушка, – он приедет в редакцию?

– Нет, – помотал головой Виктор Леонидович, – он остановится в гостинице, чуть позже я дам вам координаты. Возьмем у него интервью прямо в номере, это стандартная практика за рубежом, знаете ли.

– В номере? – Переспросила она.

– Жанна, будьте профессиональны, – нахмурился мужчина, – вы же не хотите, чтобы мне пришлось взять кого-то на ваше место? Мне кажется, я и так дал вам слишком много поблажек со статьей про этого Дениса, или вы так не считаете?

– Считаю... – пробормотала Олеся, – это... просто это странно.

– Ничего в этом странного нет, – ухмыльнулся Виктор Леонидович, – в Москве постоянно так делал, нужно же вам привыкать. Вы ведь хотите хорошую карьеру?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.